

Рози Данан

Любовный
эксперимент

Рози Данан
Любовный эксперимент
Серия «Дикие сердца»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67973145
Любовный эксперимент: Издательство АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-145662-7*

Аннотация

Наоми Грант всю жизнь двигалась против течения. Ее секс-позитивный стартап стал международной сенсацией, и теперь она хочет развивать свою образовательную платформу.

Но чтобы убедить других в этой необходимости, нужно заручиться серьезной поддержкой.

Итан Коэн недавно получил две награды: популярный журнал назвал его одним из самых горячих холостяков города... и еще он стал раввином собственной синагоги.

Исполнительный совет надеется, что это заинтересует молодых прихожан.

На достижение целей есть всего три месяца, поэтому Наоми и Итан объединяют усилия, чтобы провести серию семинаров на провокационные темы и привлечь как можно больше людей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	56
Глава 5	71
Глава 6	86
Глава 7	99
Глава 8	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Рози Данан

Любовный эксперимент

Copyright © 2020 by Rosie Danan

© М. Агирбова, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается Розы Данан и всем женщинам, которым говорили, что они «слишком много себе позволяют», но они все равно отказывались гасить огонек внутри себя.

Глава 1

Наоми Грант знала, что у каждого достойного супергероя есть тайная личность. Альтер эго, которое олицетворяет его человечность и поддерживает связь с «реальным миром», как правило, в силу своей неприметности. Брюс Уэйн – не в счет.

Наоми могла бы поставить себя в один ряд с супергероями, хотя ее настоящее имя давно покрылось толстым слоем пыли, ведь его давно никто не произносил. Ханна Штурм, улыбчивая девушка с доверчивым взглядом, не появлялась на публике уже более десяти лет. Да и зачем? Той, кого жаждал видеть народ, была Наоми Грант.

Музыканты приглашали ее на вечеринки, а папарацци следовали по пятам, даже когда она заходила в аптеку. Блестящая зажигательная красотка, которую в поиске острых ощущений пытались трахнуть технические магнаты.

Только вот Наоми Грант не была супергероем.

Она была порнозвездой. Точнее, бывшей порнозвездой, которая переквалифицировалась в совладелицу инклюзивной компании в сфере полового просвещения. Попробуйте-ка уместить все это на визитной карточке!

А ее суперспособности, по крайней мере самые востребованные, относились к интимной сфере.

Но от всех ее талантов не было особого толку здесь, в Лос-

Анджелесском конференц-центре, на национальной педагогической конференции, где собрались измотанные, недооцененные люди с низкооплачиваемой работой, но зато в удобной обуви.

Этим утром, стоя у ресепшена и склонившись над пустым бейджем, она ощутила желание вписать имя Ханна. Порыв был настолько сильным, что ей пришлось отдернуть руку, чтобы не поддаться безрассудному, давно дремлющему инстинкту и воссоздать личность, которая больше ей не принадлежала. Было бы неплохо на пару часов сохранить анонимность. Ханна умела смешиваться с толпой, в то время как Наоми была рождена или, скорее, создана, чтобы из нее выделяться.

С тех пор как в прошлом году ей исполнилось тридцать, Наоми провела много дней, размышляя о сущности своей личности, все больше убеждаясь в том, что грань, разделяющая Наоми Грант и Ханну Штурм, не истончилась. Времени течение, которое несло девушку к прошлому, превращалось в подводное и грозило поставить ее на колени.

Не помогало и то, что ее лучшие друзья и бизнес-партнеры – окружение, в котором она проводила большую часть времени, – были обычными людьми, состоящими в крепких отношениях, имеющими собственные дома.

Конечно, Клара с Джошем трахались гораздо чаще, чем средняя пара их возраста, но это не помешало им прислать ей слащавую рождественскую открытку. На календаре уже

был март, а та все еще висела у нее на холодильнике. Доставая вчера сливки для кофе, Наоми поймала себя на том, что улыбается, глядя на открытку. Вот же отстой!

Ханна была бы более предусмотрительной и не стала бы появляться на восьмичасовой педагогической конференции в брюках из искусственной кожи и лифчике, который перетягивал ее подобно индейке на День благодарения. Однако Наоми была здесь не единственной, кто чувствовал себя не в своей тарелке. Руководитель семинара обливался потом, стоя за кафедрой лекционного зала.

– Спасибо всем, что пришли. – По залу пронесся пронзительный звук помех, когда он слишком близко наклонился к микрофону.

Наоми поморщилась.

– Давайте начнем наш сегодняшний семинар по инклюзивному планированию работы с нескольких кратких выступлений. Я хотел бы получить представление о том, где и каким образом вы проводите обучение, чтобы суметь адаптировать свои методы к вашим прецедентам коллективного потребления. Что ж, начнем?!

Все медленно и с явным неудовольствием поднялись на ноги, от публики так и веяло апатией. Участие в этой конференции, посвященной будущему сферы преподавания, показала Наоми хорошей идеей в прошлом месяце, когда она получила очередной отказ в должности помощника профессора в местном общественном колледже. Она решила, что

выход в люди даст ей возможность наладить связи в более солидных общественных кругах, а также предоставит ей шанс научиться новым методам работы с «Бесстыжими» – интернет-платформой с возможностью подписки, которой она управляла. Конечно, трудно поверить, что отметка о посещении конференции в ее резюме убедит представителей высших учебных заведений отнестись серьезно к ее достижениям в области анализа человеческой сексуальности и динамики развития отношений, но идеи получше у нее пока не было.

Сосед Наоми слева, мужчина средних лет, представился профессором средневековой литературы из Грин-Бей. Это точно была не привычная для нее тусовка. Наоми казалось, что коллег-преподавателей не впечатлит ее специализация в привычном им свете, в отличие от большинства безобидных сфер. Она приготовилась к неизбежному шквалу косых взглядов и смешков, но ее тело напряглось, будто она готовилась биться за свою жизнь. Разве она не сталкивалась с компаниями и похуже этой?

В бытность свою официанткой она даже окатила из шланга сборище пьяных парней на набережной в Венис.

Слушатели семинара представлялись один за другим: классические дисциплины, коммуникация, молекулярная биология. Наоми прижала язык ко внутренней стороне нижних зубов – старая привычка, оставшаяся после пирсинга, – при соприкосновении нержавеющей стали с зубной эмалью

возникал противный звук, отпугивавший незнакомцев.

Ей нравилось притворяться, что она находит обычных людей скучными – с их просмотром ситкомов, ипотечными платежами и чувством стыда за то, что их заводит. Но на самом деле ей было лучше других известно, как быстро такие люди могут ожесточиться, особенно в таких многочисленных группах, как эта. Наоми смахнула волосы с влажной шеи, умиряя стресс, пока реакция на него не проявилась во всей красе.

Она заплатила за участие в конференции немалые деньги, и у нее столько же прав находиться в этой пропитанной потом аудитории, как и у любого другого человека.

С тех пор как в прошлом году Наоми получила степень магистра социальной психологии, она начала скучать по лекционным залам. Не просто по физической среде, но и по их энергетике, обмену знаниями. Ей нравилось проверять разные гипотезы, и это имело смысл, учитывая, что вся ее сознательная жизнь была построена на принципе: доказывать другим людям их неправоту.

Наконец каждая пара инквизиторских глаз в аудитории обратилась на нее. Горло сдавило. Наоми пожалела, что не купила по пути газировку. Что-нибудь прохладное и настолько шипучее, чтобы пузырьки ударили ей в нос. Она знала, что газировка – это ночной кошмар диетолога, но подобные напитки были лишь одним из запретных удовольствий, которые она позволяла себе в таких редких случаях. Когда

Наоми затягивалась сигаретой, то словно бы на мгновение оказывалась в нуарном фильме, прежде чем вспоминала, что с каждым вдохом отнимает у себя годы жизни. Было нечто особенное во флирте – совсем мимолетном – с собственной погильеью, вызывающем ко тьме внутри нее.

– Всем привет. – Сценический голос Наоми прозвучал неожиданно хрипло и соблазнительно. Она откашлялась. Этих людей точно не впечатлить образом Джессики Рэббит¹. – Меня зовут Наоми Грант, и я секс-педагог.

Несколько слушателей оцетинились при слове «секс». А глаза одной женщины округлились, как два раскрытых зонта. Как же все предсказуемо и прозаично.

Знакомое чувство удовольствия, вызванное всеобщим шоком, нахлынуло на нее, и Наоми вздернула бедро.

– Я руковожу веб-сайтом «Бесстыжие», который ориентирован на продвижение здоровой и удовлетворяющей эмоционально-физической близости посредством обучающих видео, а также тематических статей и интерактивных пособий.

Профессор из Грин-Бей закашлялся так сильно, что у него на лбу выступила гневная вена.

– Наша онлайн-платформа содержит как образовательный, так и развлекательный контент, при этом у нас есть база с ежемесячной подпиской примерно в пять миллионов пользователей по всему миру. – Наоми произнесла заученную

¹ Мультипликационный персонаж детективных нуар-романов о кролике Роджере, созданных писателем Гэри Вульфом.

речь со всей бравадой, на которую только была способна перед стеной из множества нахмуренных лиц. – И я надеюсь включить в наши методы обучения и «тет-а-тет».

Ведущий конференции кивнул, прикладывая героические усилия, чтобы выглядеть невозмутимо.

– Добрались ли вы успеха в этом начинании?

Наоми ответила ему печальной улыбкой.

– Нет, – она прочла его имя на бейдже, – Говард. – Бедный парнишка. Когда он проснулся этим утром, он и представить себе не мог, что угодит на минное поле ее уязвленной гордости. – Я связывалась с несколькими колледжами и общественными организациями, даже прошла заключительные собеседования на парочку должностей, но, как оказалось, есть люди, – Наоми окинула помещение многозначительным взглядом, – которые противятся тому, чтобы прославленный работник секс-индустрии стал одним из преподавателей их факультета.

Низкий гул голосов разнесся по залу, стоило слушателям осознать смысл сказанного. Предыдущие участники просто называли свои имена и область специализации, но Наоми не удовлетворилась смесью скептицизма и замешательства, вызванной ее презентацией. Нелепое желание заставить этих незнакомцев понять дело ее жизни побудило Наоми продолжить речь, хоть она и понимала, что они отмахнутся от ее знаний, как и все остальные.

– Думаю, вы согласитесь со мной, что академической сре-

дой правят помпезность и привилегии. И это полный абсурд.
– Э-э-э... – какой-то мужчина поднял руку. явно желая возразить.

Наоми проигнорировала его.

– Я получила ученую степень в Калифорнийском университете. Мой портал ежегодно собирает более миллиарда единиц статистических данных о динамике межличностных отношений и секса, и я обладаю уникальным жизненным опытом, основанным на всестороннем исследовании интимной жизни не просто как взрослого члена общества, но и как публичной личности. Казалось бы, этого должно быть достаточно, чтобы дать мне право обучать людей грамотному установлению интимных связей, но, как показывает практика, – Наоми развела руками, – это не так.

Уже на этом этапе большинство людей отказывалось ее слушать, поэтому стремление завоевать признание в этом душном зале превратилось для нее в некий вызов. Наоми нуждалась в одобрении какого-нибудь авторитетного работодателя. К тому же она уже создала «Бесстыжих» с нуля, и пусть стартап себя уже оправдывал, он также сильно выматывал ее.

– Не кажется ли вам, Говард, что мир станет лучше, если мы начнем вести открытый диалог, который позволит людям без стеснения отстаивать себя в отношениях?

– Пожалуй... – Говард начал краснеть.

– Вы когда-нибудь спрашивали себя, почему люди так

сильно бояться темы секса?

В попытке побороть щемящее чувство разочарования Наоми подмигнула женщине, которая тарасилась на нее с откровенным ужасом. После стольких красивых речей она наконец врезалась в препятствие, которое не могла преодолеть.

– А я спрашиваю. Постоянно. У меня есть несколько теорий на этот счет. И, возможно, они помогут людям. Но никто не хочет их слышать.

Наоми искренне верила, что половое просвещение и лекции об отношениях обязаны быть включены в программу общедоступного современного образования. Если она сможет охватить более широкую аудиторию, ее опыт и теории могут оказать на социум огромное влияние. Как бы Наоми ни импонировала бунтарям, она считала, что ресурсы для установления здоровых интимных отношений они не должны контролировать.

– И нет, я не питаю иллюзий насчет происходящего. – Наоми драматично выдохнула. – Можете счесть меня наивной, но я думала, что к тому времени, когда перестану сниматься в фильмах для взрослых, мир станет более открытым. Я ошиблась. И знаете, почему? – она указала пальцем на взволнованную публику.

– Потому что, если кто-то и позволил бы мне преподавать, то им пришлось бы иметь дело с токсичной средой и токсичными людьми, которых они продолжают поддерживать. Неловко, да? Вот так неловкость!

– Мисс Грант, – Говард попытался вмешаться, – может, нам уже стоит перейти к следующему?..

– Вы никогда не злитесь, Говард? – Она поднялась на сцену и оперлась обеими руками о кафедру. – Статистика удручает. Наше общество столкнулось с проблемой романтических взаимоотношений, не говоря уже о дефиците оргазма. Чем раньше мы перестанем притворяться, что цифровой век не поменял нашу модель общения, тем больше шансов, что нынешнее поколение не вымрет от одиночества и сексуальной неудовлетворенности.

– Точно, – руководитель поправил воротник и повысил голос в попытке вернуть контроль над аудиторией. – Кто-нибудь еще желает сюда подняться?

Наоми вздохнула и вернулась в зал, не позволяя себе бурно реагировать на растущее напряжение вокруг. Ее датчик стыда давным-давно разрядился. Она сделала карьеру, будучи изгоем, и сплела свою броню из личного опыта. Было довольно просто абстрагироваться от остальных выступлений. По крайней мере, до момента, пока очередь не дошла до мужчины, который был слишком горячим для преподавателя.

Он выглядел как манекенщик Кельвин Кляйн, и Наоми могла заявить это как женщина, которая переспала с изрядным количеством представителей этой профессии. Его борода отбрасывала забавную тень, в которой вполне можно было спрятаться от летней жары.

– Всем привет! Меня зовут Итан Коэн, – сказал манекенщик, – и раньше я преподавал физику в средней школе.

Наоми тут же захотелось узнать, почему прервалась его карьера учителя. Может, он кого-то заменял? Скулы мужчины заслуживали по меньшей мере ста тысяч подписчиков в Инстаграм. Пока он говорил, Наоми разглядывала его профиль. При более пристальном рассмотрении он оказался слишком низким и худощавым для подиума. Будь Наоми на каблуках, у нее было бы преимущество. Точеные черты отвлекали от более тщательного исследования внешности. А то, как он держался... Ноги парня были расставлены достаточно широко, чтобы... Черт! В этих брюках цвета хаки совсем ничего не разобрать!

И все же Наоми улыбнулась: цель обнаружена. Он был идеальным кандидатом, чтобы отвлечь ее от профессиональных забот.

Давненько ей не хотелось накинуться на кого-нибудь так, как хотелось вцепиться в тело этого парня. Она любила свою работу, но регулярное ведение бизнеса равнялось восьмидесяти рабочим часам в неделю. Сочетание стресса и истощения было сущим адом для ее либидо. Ирония заключалась в том, что изучение сексуального удовлетворения было делом всей ее жизни, но при этом несколько последних месяцев были начисто лишены секса. Наоми усмехнулась. Если, конечно, не считать одиночные сеансы. С ними она по-прежнему справлялась на отлично.

Вспомнить бы, какое нижнее белье она надела этим утром. Знай Наоми, что грядущий день преподнесет ей такие приятные возможности, то ее выбор пал бы на что-то более сногсшибательное. Знакомство закончилось, и Говард жестом позволил всем вернуться на свои места. Пока щелчки множества пишущих ручек погружали ее в оцепенение, Наоми стала прикидывать тактику. Обычно если она хотела затащить кого-то в постель, то просто снимала майку, чтобы сэкономить время. Но хватило одного беглого взгляда, чтобы понять, что в подобном окружении такой план не работает. Ну что ж, придется импровизировать.

Но, как оказалось, в этом не было необходимости. Пока она укладывала вещи в сумку после лекции, возле ее стола остановилась та самая пара брюк цвета хаки.

– Прошу прощения. Простите за беспокойство, но я хотел бы сделать вам предложение.

Наоми медленно подняла взгляд. Помимо брюк и кожаного ремня на нем была идеально выглаженная белая рубашка, расстегнутая у воротника, но не настолько глубоко, чтобы рассмотреть россыпь волос на груди. И вновь ее взгляд задержался на его линии подбородка. Вблизи мужчина оказался еще привлекательней. Ей не терпелось ощутить трение этой бороды у себя между ног.

– Разумеется, – пропела Наоми, слегка мурлыкнув на «р». – Удивите меня.

Стоило ему улыбнуться, как все мышцы лица пришли в

движение. Черт, да этот парень – ходячая катастрофа! Она не прогадала, придя сюда как Наоми. У Ханны Штурм не было бы ни шанса.

Ханне пришлось бы выделиться, чтобы привлечь его внимание: например, якобы случайно уронить ручку и сделать так, чтобы он нагнулся и увидел ее длинные ноги. Но Наоми-то знала, что такие приемы – для новичков. Ключ к успешному соблазнению в том, чтобы внушить другому, что это он запал на тебя.

– Вы упомянули, что не можете найти организацию, которая наняла бы вас преподавать.

Ну, по крайней мере, теперь она знала, что хоть один человек на этой конференции выслушал ее пылкую тираду.

Наоми кивнула.

– Вы еще заинтересованы в чтении лекций перед живой аудиторией? – Судя по тону голоса, он относился к этому вопросу с изрядной долей участия. Наоми оценила это. К тридцати годам она прониклась к серьезным людям уважением.

– Заинтересована. – Ее рука замерла на том месте, где ранее лениво скользила по ключице в непринужденном приглашающем жесте.

– В таком случае я хотел бы предложить вам должность на рассмотрение.

Вот теперь они разговаривали. К счастью, она умела прощать медленное начало.

– Только одну? – усмехнулась Наоми.

Он моргнул, заметив перемену в ее тоне, но никаких иных признаков осознания возможности, за которую другие убили бы. Этот парень был либо невосприимчив к намекам, либо слишком для них серьезен.

– Не будете ли вы заинтересованы в проведении семинаров о современном подходе к устройству интимной жизни для моей синагоги?

Что это было? Что он сказал? Она что, так долго была вне игры, что уже не может отличить флирт от... этого? По рукам пробежали мурашки, но теперь вовсе не от возбуждения. Наоми уже давно не думала о синагогах.

Когда она заговорила снова, ее тщательно выстроенные крепостные стены уже были на месте.

– Не могу себе представить, чтобы члены религиозной организации оказали мне более радушный прием, чем представители сферы высшего образования, но все равно спасибо. – Она направилась к выходу из зала, заставляя его плестись за ней по пятам.

– Могу вас заверить, что вам будут очень рады в Бет Элохим.

– С чего бы это? – бросила она через плечо.

Итан умудрился обогнать ее и, оказавшись перед Наоми, засунул руки в карманы и слабо улыбнулся:

– Ну, для начала: я – раввин.

– Что-что? – Она остановилась и посмотрела на него во все глаза. – Кто вы, говорите?

– Раввин. – Он наклонил голову, словно пытаюсь понять, знает ли она само значение слова или просто удивлена, что он назвал так себя. – Я – религиозный лидер синагоги.

Она отмахнулась от излишних подробностей.

– А вы для этого не слишком...

– Молодой? – Он опустил подбородок, как будто ему часто приходилось слышать подобное.

– Сексуальный.

Он засмеялся. Поначалу смех прозвучал натянуто, но потом стал более расслабленным.

– Нет правил, диктующих надлежащий уровень привлекательности религиозного лидера. По крайней мере, в реформистском иудаизме.

Что ж, он хотя бы не скромничал.

– Невероятно. – Подумать только! А у нее уже было столько шаловливых планов на него.

– Это отказ?

Наоми улыбнулась ему, не размыкая губ, и продолжила идти. Достала расписание конференции и проверила его.

– Да, приятель, это отказ.

– Можно узнать, почему вы не хотите рассмотреть эту должность? – Он прибавил немного ходу, чтобы поспеть за ее широкими шагами. – Мне как-то говорили, что у меня талант к убеждению.

Она тихонько фыркнула. Оно и видно.

– Я удивлена, что вы спрашиваете.

– Вы – атеистка? Пусть курс и будет связан с синагогой, вы как преподаватель не обязаны соблюдать все правила. – Итан так старался переубедить ее, что начал путаться в словах. – Мы проводим множество разных светских мероприятий. Например, курсы по вязанию и аквааэробике в Еврейском общинном центре.

Глаза Наоми сузились, и она резко остановилась. Она чувствовала любовь подвоха хоть за милю.

– Мне не нравится, когда меня используют в любого рода рекламных трюках.

Если ее имя и попадало в заголовки, то эти заголовки диктовала она сама.

Итан ошарашенно замер на месте, отчего в душном коридоре начала скапливаться шумная толпа.

– Все совсем не так. Я бы никогда не...

– И не желаю быть объектом благотворительности. – Наоми не была заинтересована в «реабилитации имиджа». Она не желала возвращаться к прошлой жизни, снявшись в каком-нибудь социальном ролике, зазывающем в религиозную общину. Спасение – последнее, в чем она нуждалась.

– Наоми... э-э-э... мисс Грант, вы только сделаете мне одолжение. Если кто и является в этой ситуации объектом благотворительности, так это я. Я со своей полупустой синагогой. Серьезно, посещаемость настолько низкая, что едва ли заполняются первые десять рядов.

– Поверьте, я не являюсь ответом на ваши молитвы. – Он

определенно не понимал, кем она была и чем занималась. – Посмотрите на меня внимательно – и вы поймете, что я имею в виду. – Наоми не жалела ни об одном своем поступке, но и не питала иллюзий насчет их последствий.

– При всем уважении, мне известно, кто вы, – сказал Итан, и надо отдать ему должное, даже не усмехнулся. – Моя сестра одной из первых подписалась на вашу платформу. – Произнеся это, он опустил взгляд, но лишь на мгновение. – Она большая поклонница вашей работы по формированию инклюзивного онлайн-сообщества и дошла до того, что отправила мне ваш профайл на «Форбс».

Ну наконец-то он покраснел! Щеки Итана покрылись маковым румянцем.

– Кажется, в той статье они еще назвали вас «Альфред Кинси² на шпильках».

Наоми поморщилась.

– Уверена, они хотели как лучше.

– Я считаю вас очень впечатляющей личностью, – произнес он восхитительно глубоким голосом.

– Но вы ведь не подписаны на «Бесстыжих», не так ли?

Может, реформистский иудаизм и считается религией относительно свободных нравов, но не настолько. По крайней мере, когда она последний раз интересовалась, все было именно так.

– Нет. То есть пока нет. Если это для вас важно, то я зай-

² Альфред Чарльз Кинси – американский биолог и сексолог.

мусь этим.

Сердце Наоми заколотилось, и ей снова пришлось напомнить себе, что он был для нее персоной нон-грата. Ей уже давно ничего не предлагали без сексуального подтекста.

– Мисс Грант, – он открыл перед ней дверь, когда они дошли до конца коридора, – я предлагаю вам вести семинары в лекционном зале, поскольку верю в ваши преподавательские способности. Я пытаюсь реформировать свою общину, привлечь более молодых людей и показать им, что иудаизм и их образ жизни могут дополнять, а не противоречить друг другу. Если у меня не получится сделать иудаизм востребованным, если его практика не может отражать реалии интимной жизни в современном мире, то оставшиеся члены общины избавятся от меня быстрее, чем я успею показать им, на что способен.

Наоми поразились тому, что в коридоре, полном невольных слушателей, никто не остановился, чтобы поаплодировать его маленькой пылкой речи. Пора было убираться отсюда, пока она не натворила глупостей.

– Я – не тот человек, которого вы ищете. Было приятно пообщаться. – Это было почти правдой. – Удачи в спасении вашей синагоги.

– Подождите. Это займет всего секунду. Обещаю перестать донимать вас после этого. – Он даже не представлял, как мог бы ее *донимать*. – Может, у вас есть на примете кто-то другой? Тот, кто мог бы рассмотреть данное предложе-

ние?

Наоми замедлила шаг.

– Вы женаты?

Вопрос приземлился между ними подобно огромному панино.

– Э-э-э... нет.

– Помолвлены или состоите в романтических отношениях?

– Нет, – для пушшего эффекта он покачал головой.

– Тогда мне нечего вам предложить.

– Kol hat'chalot kashot, – пробурчал себе под нос Итан.

– Что-что?

– Простите, – сказал он, одаривая ее улыбкой. – Это старая еврейская пословица. Переводится: лиха беда – начало. Должен признаться, я потерял нить разговора. Вы все еще отказываетесь от моего предложения?

– Моя нога не переступала порога синагоги со дня моей бат-мицвы³, – призналась Наоми, что сложно было назвать ответом, но тут Итан подался вперед, она уловила пряный аромат бальзама после бритья и уже не помнила, куда вообще собиралась идти.

– Ох! – Дыхание Итана сбилось, зрачки расшились. – Так вы – еврейка?

³ Бар-мицва, бат-мицва – термины, применяющиеся в иудаизме для описания достижения еврейским мальчиком или девочкой религиозного совершеннолетия.

– Я бы так не сказала. – Всего пару минут назад ей казалось, что их диалог пойдет по совершенно иному сценарию.

– Точно. Простите. Я не хочу докучать вам. Если переживаете, то меня можно найти в Бет Элохим почти каждый день. Это в Пасадине. – С этими словами он протянул ей свою визитку.

Наоми открыла дверь в другой зал, но не вошла. Вместо этого она подняла руку, чтобы прервать его.

– Вы точно раввин?

Он улыбнулся ей напоследок, вероятно испытывая облегчение оттого, что ответ на этот вопрос ему точно известен.

– Точнее некуда.

– Вот так подфартило, – пробурчала Наоми себе под нос, смяв визитку в кулаке и уходя из его жизни навсегда.

Глава 2

Так уж сложилось, что в распоряжении Наоми Грант, известной бунтарки, оказался угловой кабинет, в котором она работала с девяти утра до пяти вечера. За два года своего существования платформа «Бесстыжие», которая задумывалась как провокация, призванная раскатать болотце сексуального просвещения и сделать его более демократичным, сейчас имела изрядное количество платежеспособных подписчиков, чтобы команда проекта могла позволить себе не только студию в Бербанке, но и официальную штаб-квартиру в Западном Голливуде. И, несмотря на отчаянные попытки Наоми не поддаваться рутине, теперь ее почти всегда можно было найти в определенном месте.

Более того, ее обязанности в компании несколько изменились, и теперь она не снимала с себя одежду, а контролировала работу поставщиков и занималась организацией собраний. Ей пришлось избавиться от изрядной части продуманного гардероба обольстительницы в пользу более удобной деловой одежды. Единственным утешением Наоми было то, что большинство ее блейзеров было украшено шипами на плечах. Так что в ее смену никто не позволял себе лишнего.

Спустя пару дней после педагогической конференции Клара, партнерша Наоми и – неожиданно – лучшая подруга, зашла к ней в кабинет, держа в руках крошечный кусочек

выпечки.

– Банановый хлеб, – проинформировала она Наоми таким тоном, словно пыталась скормить таблетку рычащему бульдогу. – Твой любимый.

– Хм. – Наоми неслучайно поместила Клару в кабинете напротив, когда одобряла план офисного помещения.

Без преувеличения, если бы Наоми могла вырезать из себя завоеванную Кларой привязанность, скажем, ножом для стейка, то она так и поступила бы.

– Ой, да брось! – приуныла Клара. – Не надо хмыкать, будто ты ненавидишь подарки. Так уж случилось, что у меня оказались лишние бананы. – Клара нагнулась к барной тележке, приобретенной Наоми в память о веселых временах, и выдвинула ящик, демонстрируя столовые приборы и чайные принадлежности, которые Наоми видела впервые.

– Ты спрятала все это в моем кабинете, пока меня не было? – Наоми не представляла себя в долговременных отношениях любого характера. Мысль о том, что кто-то знает о ней так много, ужасала. А подобное вторжение в личное пространство и вовсе было за гранью дозволенного.

– Расслабься, – Клара проигнорировала негодование подруги. – Мы проводим здесь так много времени, что, поразмыслив, я решила: иногда можно и перекусить вместе. А пластиковые приборы наносят вред окружающей среде.

Никто, кроме Наоми, даже не подозревал, насколько хитрой может быть Клара. Даже ее жених не до конца понимал,

как много планов и стратегий кроется за этими большими глазами. В этом и была причина, почему они так хорошо сработались. Люди думали, что Наоми станет плести интриги и пускать в ход соблазнение, чтобы добиться своего. На деле же она просто пускала пыль в глаза и, когда в дело вступала Клара, обезоруживала их при помощи убийственной комбинации хороших манер и рьяного энтузиазма. Оказывается, качества «фанатичный, вежливый и грамотный» – весьма полезны для совладельца компании.

– Такое ощущение, что ты вот-вот попросишь меня пожертвовать почкой. – Тем не менее Наоми приняла угощение.

Клара издала сдавленный смешок, от которого стало только тревожней.

– Поверь, он не так уж и плох.

Банановый хлеб буквально растаял у Наоми во рту, вызывая еще больше подозрений. Либо Клара значительно превзошла саму себя, либо, что вероятнее всего, купила готовую выпечку и принесла в офис в контейнере.

– Ладно, не буду тянуть кота за хвост. – Тяжесть предстоящей просьбы повисла в воздухе. Клара закрыла глаза и быстро проговорила: – Ты станешь моей подружкой невесты?

Наоми перестала жевать. Кусочек ореха застрял в коренном зубе.

Она знала, что свадьба неизбежна после того, как Джош – жених Клары – сделал ей осенью предложение. Просто она

никогда не задумывалась, насколько масштабными будут последствия этого события. «Бесстыжие» отнимали у них много времени и сил, да и Джош проходил экспертом в новом раунде судебных дел о защите прав работников секс-индустрии.

И все же Наоми должна была и предвидела бы это, если бы не отстранилась от всех так сильно.

Ее молчание словно подпитывало настойчивость Клары.

– Я знаю, что прошу о многом, и если ты предпочтешь отказаться, то я могу попросить свою двоюродную сестру. Просто никто на свете не знает меня так, как знаешь ты. Ты понимаешь, какой ужасный бардак творится в моей голове, и все равно доверяешь руководить бизнесом наравне с собой. Ты – самый компетентный специалист, которого я знаю, и всегда угощаешь меня пиццей после звонков моей матери. – Клара откашлялась. – Кроме того, ты знаешь Джоша с более интимной стороны.

Наоми задалась вопросом, скольким женщинам до нее предлагали стать подружкой невесты на свадьбе мужчины, с которым они раньше трахались, да еще и на камеру. Она вздохнула.

– Тебе необязательно надевать платье, – горячо заверила ее Клара, будто это было главным камнем преткновения. – Можешь надеть один из своих костюмов, в которых выглядишь так, словно собираешься всех убить, а теплой кровью врагов подкрасить губы.

Было уже бесполезно пытаться скрыть усмешку.

– Я как раз собиралась выбрать новый оттенок помады.

Если отбросить шутки, то свадьба – это семейное торжество, где произносят тосты и танцуют, взявшись за руки. Молодожены разрезают торт и улыбаются по несколько часов кряду, чтобы хорошо получиться на фото. Эти мальчишники, девичники и репетиции торжества... Все они означали одно: бесплатный бар, полный мужчин, возомнивших себе, что знают Наоми только потому, что пару раз передернули на видео с ней. Она чувствовала, как обязательства сжимаются вокруг нее подобно лассо, которое вот-вот затянется на шее.

– Пожалуйста, просто скажи, что подумаешь. – Клара откинула с глаз темную прядь. В январе она подстригла челку, – хотя Наоми неоднократно предупреждала ее о последствиях, – и сейчас волосы наконец-то начали отрастать.

Наоми скрестила руки на груди.

– Тут нечего и думать.

Лицо Клары вытянулось от разочарования.

– Конечно, я буду твоей подружкой невесты. – Как будто она вообще сомневалась.

– Ты серьезно? – Клара ошеломленно вцепилась в нитку жемчуга на шее.

– Нет, это одна из моих многочисленных веселых шуток, – сухо произнесла Наоми.

– Ах! Спасибо! Спасибо тебе! – Клара вскочила со своего кресла и бросилась на Наоми с объятьями.

Наоми никогда не думала, что однажды сможет стать подружкой невесты. У нее было много друзей и любовников как в прошлом, так и в настоящем, но она всегда держала людей на расстоянии. И тот факт, что она была кому-то дорога настолько, что этот человек пригласил ее стоять рядом с ним в один из важнейших дней своей жизни, был неожиданно приятен.

– Ура! – крикнула Клара ей в ухо.

– Да-да. – Наоми тяготили не столько ответственность этого звания, сколько сопутствующие традиции и список гостей. Зная семью Клары, можно быть уверенной, что бракосочетание Уитонов и Коннеров будет торжеством не из скромных.

Она застонала. Любовь – это поистине ужасная слабость. Ни одно другое пристрастие не делает человека настолько уязвимым. Наоми не была бессердечной. Несмотря на богатый опыт, она продолжала любить людей. Просто пыталась свести общение к минимуму, твердя себе, что необязательно быть в близких отношениях, чтобы любить, важна лишь преданность друг другу.

Например, как в случае с ее родителями. Наоми безумно любила их. В прошлом году они переехали из Бостона в Аризону, дабы осесть в тихом местечке, и даже вступили там в общину пожилых людей, которая, по последним данным, также являлась колонией нудистов.

Очевидно, стремление публично обнажаться было у нее в

крови.

Наоми не могла припомнить, позволялось ли членам общины пользоваться телефонами или у пожилых нудистов просто не было карманов, чтобы носить их с собой. Но, как бы то ни было, Наоми созванивалась с родителями раз в несколько месяцев и виделась примерно раз в год. Такой распорядок устраивал обе стороны.

– А теперь, когда ты получила желаемое, можем мы поговорить о делах? – Наоми успела исчерпать свой дневной лимит сентиментальных моментов.

Клара отпустила ее и плюхнулась в кресло напротив Наоми, аккуратно сложив руки на коленях. Теперь, получив хорошие новости, ее партнерша практически светилась от счастья.

– С чего хочешь начать?

Наоми открыла одну из скрупулезно промаркированных электронных таблиц, созданных Кларой для планирования их ежедневных дел. Иногда ее синдром отличницы приходится очень кстати.

– Со стратегии партнерства?

Она прокрутила файл, а затем зачитала вслух:

– В среду ожидается встреча с командой женщин-инженеров, презентующих прототипы секс-технологий.

Будет весело. Расширение сувенирной линейки «Бесстыжих» было приоритетом этого года. До сих пор они ограничивались чисто декоративной атрибутикой: выпускали

кружки с логотипом сайта, стикеры и значки. На некоторых вещах встречалась декоративная вышивка с их слоганом: «Каждому по оргазму!». У «Бесстыжих» был сильный бренд, а потому Клара с Наоми подвергали все идеи тщательной проверке.

Наоми перешла к следующему пункту:

– Подобрать новых актеров для аудитории за сорок. – Одной из важнейших задач следующих нескольких месяцев был выпуск серии видео, посвященных наслаждению сексом для подписчиков зрелого возраста.

Клара просмотрела свой ежедневник.

– Кастинг будет проходить с четверга по воскресенье. Кэсси руководит проектом, но, если хочешь заглянуть на огонек, то пожалуйста.

Кэссиди работала у них исполнительным продюсером, и Наоми полностью ей доверяла. Они работали вместе до того, как Наоми отошла от съемок и начала управлять платформой, – еще в те далекие времена, когда Кэсс снимала квир-эротику в своем гараже. Кэссиди сыграла важную роль в том, чтобы их сайт стал по-настоящему инклюзивным. Вдобавок ко всему она была из взрослых представителей ЛГБТ-сообщества и однажды, более десяти лет назад, помогла юной Наоми открыто заявить о своей бисексуальности. Поэтому без всяких сомнений она стала одной из первых, кого они наняли.

Наоми пометила дату в календаре.

– Записала.

Рассеянным движением Клара повернула табличку с именем Наоми на девяносто градусов.

– Эй, а как прошла конференция, на которую ты ходила в понедельник?

Наоми пробежалась ногтями по складкам своей шелковой юбки. Едва ли она могла признаться Кларе, что последние дни провела, думая о невероятно привлекательном равнине, сделавшем ей предложение, от которого Наоми пришлось отказаться.

– Познавательно. Я узнала о новых методах по оптимизации субтитров для подписчиков с нарушением слуха.

– О, класс! Я сообщу производству, что нам нужна перегруппировка. – Клара выжидающе посмотрела на нее. – И?..

– Что «и»? – прозвучало грубее, чем она хотела.

– Ты наладила какие-нибудь рабочие связи?

Наоми была уверена, что находится всего в одном неверном шаге от очередной лекции о важности расширения экосистемы их бизнеса.

Пара голубых глаз без спроса проникала ей в голову, и Наоми поморщилась:

– Не совсем.

Клара подалась вперед.

– А что это у тебя с лицом?

Что у нее с лицом? В двух словах и не скажешь.

– Один... мужчина пытался меня заарканить.

– Звучит оскорбительно, но, к сожалению, ничего необычного, – нахмурилась Клара.

– Нет, не в том смысле. Я имею в виду: он предложил мне работу. В сфере преподавания.

– О, – Клара поменялась в лице. – Но это же хорошо? Последние месяцы ты только и твердила, что ищешь возможность начать преподавать перед живой аудиторией.

– Он – раввин.

– То есть...

– Есть только одно определение этого слова.

– Ого! – Клара откинулась в кресле. – И чему же, он хочет, чтобы ты обучала?

– Устройству интимной жизни в современном мире.

И он даже не покраснел, говоря это. Каждый сантиметр его тела – по крайней мере, те участки, что она видела, – выражал искренность.

– Ха, – Клара склонила голову. – Вообще-то, звучит как идеальная возможность, учитывая твой опыт и область интересов.

Наоми взяла ручку и начала вертеть ее между пальцами. Только потому, что Итан предложил ей лекционный зал и возможность обратиться к тому кругу людей, которым она больше всего хотела помочь, не означало, что это приемлемый вариант.

– Все далеко не так идеально. Это традиционная религия. А ты знаешь, мне не нравятся традиции, и уж если это ка-

сается религии, то у меня мурашки бегут. Такие люди верят в вещи, которые больше и могущественнее их! – Ее передернуло. – Кроме того, неважно, насколько он либерален, в иудаизме все еще очень много ограничений, и я вечно их забываю.

Существует большая разница между нарушением правил ради забавы и тем, когда подобное вызывает стыд, и Наоми по собственному опыту знала, что это сотрудничество приведет к последнему.

– Подожди-ка... ты... о боже... – Клара поморщилась так, словно у нее в мозгах складывался пазл. – Ты – еврейка?

Наоми вновь скрестила руки.

– Я не придерживаюсь доктрины.

– Ого! Да, но ты росла как еврейка?

– Едва ли.

Ее родители соблюдали традиции абы как. Пока Наоми не окончила школу и не уехала в Лос-Анджелес, они отмечали священные праздники, но позже стали встречать только Йом-Киппур⁴. И если их кто-то приглашал, могли отметить в компании Рош ха-Шана⁵ или Песах⁶.

В Лос-Анджелесе тоже хватало своих сторонников каба-

⁴ В иудаизме: самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.

⁵ Еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей по еврейскому календарю.

⁶ Один из главных иудейских праздников в память об освобождении евреев от рабства в Древнем Египте.

лы, но даже в те дни, когда высшая сила приветствовалась, идея появления порнозвезды в синагоге всегда лучше вписывалась в анекдоты, нежели в реальную жизнь.

– Тут и сомнений нет, ты должна согласиться. – Клара встала, используя свой скромный рост для пущего эффекта.

– Я не стану соглашаться. Не могу. Слишком поздно.

Вероятно, к этому времени Итан Коэн уже нанял менее провокационного преподавателя.

Клара поджала губы.

– Ты только что придумала три отмазки на одном дыхании. Ты чего-то недоговариваешь.

– Я просто боюсь, – сказала Наоми, подпустив в голос сарказм в попытке выдать правду за ложь.

Дохлый номер. Клара подошла к Наоми и приземлила задницу на ее стол.

– Даже не пытайся. – Сейчас, когда она была на расстоянии вытянутой руки, ее голос звучал мягче, но оставался таким же настойчивым. – Ты хочешь помогать людям, просвещая их. Ты должна это делать. Кроме того, – добавила она, стукнув кулаком по столу, чтобы подчеркнуть значимость своих слов, – я не верю, что ты боишься какого-то там раввина.

– Ну, так уж и быть! – Наоми манерно выдохнула. В любом случае шансы увильнуть от искреннего ответа были малы. – Правда в том, что меня привлекает этот глупый и какого-то черта сексуальный раввин, и я беспокоюсь, что если проведу

с ним продолжительное время, то разрушу ему жизнь.

– Что, прости? – Клара моргнула несколько раз подряд.

– Он молод и привлекателен, и если долго буду находиться в непосредственной близости от него, то собою его с праведного пути и превращу в грязное клише.

Наоми построила свою карьеру, избегая стереотипов общества об актерах фильмов для взрослых. Мысль о том, что она может представить свою концепцию на неподходящей территории, была, мягко говоря, неприятной.

Нахмурившись, Клара посмотрела на потолок.

– Я совсем запуталась. Этот мужчина приставал к тебе?

Наоми ощетижилась при этой мысли.

– Нет. Конечно, нет. – Но какая же мужественная у него борода!

– Он вызвал у тебя плохие предчувствия?

Наоми смахнула невидимую пыль со своей клавиатуры.

– Предчувствия были приятными. Даже благоприятными, если можно так сказать.

– Он каким-нибудь образом дал понять, что ты нравишься ему?

Она пожала плечами:

– Я много кому нравлюсь.

– И то правда. – Клара постучала ногой по полу. – Но тут все не так, как с католическими священниками, верно? Раввинам же не запрещено заниматься сексом?

– Нет, раввинам можно трахаться сколько угодно, но они

должны поддерживать на публике определенную репутацию, которой противоречит мой порочный бренд.

– Ну, тогда это его проблема. Ясно одно: этот мужчина достаточно уверен в своих религиозных убеждениях, чтобы посвятить жизнь этому учению. Думаю, он способен сопротивляться любым соблазнам и страстям, которые ты в нем вызываешь, и продолжать придерживаться своих профессиональных моральных принципов.

– Я не хочу, чтобы он сопротивлялся мне. – Наоми приотворно сложила губы бантиком. – Не люблю, когда мне сопротивляются.

– Ты – взрослая женщина. Можешь затащить в постель практически кого угодно. – Тон Клары сменился на тот, который Наоми слышала на утренних планерках: авторитетный, но добрый. – Прекрати использовать секс как щит, чтобы держать людей на расстоянии. Это же твоя мечта! Тут нет места отговоркам.

И когда только вселенная вышла из равновесия? Обычно в их дуэте агрессором выступала Наоми. Она стала слишком много позволять Кларе в последние несколько лет. Старая Клара – та, которая только прилетела из Гринвича в Коннектикут, – не стала бы диктовать Наоми, что делать.

– Ну ладно-ладно! – Слабое чувство собственного достоинства удержало Наоми от гримасы. Ее партнерша улыбнулась. – Но не потому, что ты так сказала, а потому что я старею и становлюсь скупной. Если в ближайшее время не раз-

дую на потеху публике какой-нибудь новый скандал, то исчезну в тени собственного бесчестия.

– Не будь так строга к себе, – сказала Клара. – Бесчестие ниже твоего достоинства. Твои «коллективные» подвиги стоят по меньшей мере книги мемуаров в списке бестселлеров «Нью-Йорк Таймс».

Наоми сделала вид, что поправляет кресло, чтобы Клара не заметила ее улыбку.

– Ты так и блещешь умом с утра пораньше.

– Да, – Клара заправила прядь волос за ухо, – просто одна устрашающая рыжая бестия с работы все твердит мне, что я еще та стерва в бизнесе, так что стараюсь соответствовать.

– Я создала монстра. – Наоми согнала Клару со своего стола, шлепнув ту папкой с бумагами.

Ленивой походкой Клара прошествовала к двери.

– Значит, позвонишь ему и скажешь, что согласна?

Наоми щелкнула мышкой громче, чем требовалось.

– У меня нет его номера. – Она разорвала его визитку в ключья.

– Эй, он работает раввином в Лос-Анджелесе. Ты знаешь его имя. Просто заугли.

– И как я не догадалась?! – закатила глаза Наоми. – Ведь твои гугл-запросы о сексуальном незнакомце так удачно обернулись для тебя.

Клара мечтательно посмотрела на свое обручальное кольцо.

– И не говори.

Глава 3

По средам Итан проводил вечерние службы для скорбящих. Это не входило в традиционную программу Бет Элохим, но поскольку большинство прихожан родились во времена Второй мировой, смерть стала их общим знаменателем. Собрание, состоявшееся в одном из малых залов синагоги, закончилось сорок минут назад, но Мори, прихожанин семидесяти восьми лет, любил немного задержаться и поиздеваться над навыками игры Итана в шаффлборд за стаканчиком сока.

В разгар одной из самых красочных тирад Мори взгляд Итана переместился на дверь.

Он дважды моргнул.

Если что-то и можно было понять по ее хмурому выражению лица, так это то, что Наоми Грант задавалась вопросом, в правильном ли она оказалась месте.

К сожалению, Итан не мог ее винить. Устаревшие обои и обшарпанные полы совершенно не соответствовали духу синагоги, построенной в 1920-х, которую последний раз реконструировали в лучшем случае в послевоенное время. Бюджет был мизерным. Чистота и порядок строго соблюдались, но святилище не могло похвастать отделкой, как другие голливудские храмы. Итан лично поднялся сегодня на лестницу, чтобы прочистить воздухопровод. На его предплечьях до

сих пор остались въевшиеся пятна.

Если Наоми хоть мельком обратила внимание на жалкий вид как Итана, так и синагоги и ей что-то не понравилось, то... Что ж, тут он был бессилен.

Он слегка махнул ей рукой, чем не оказал никакого эффекта на скривившийся изгиб ее губ.

– Я отойду на секунду, – шепнул Итан в здоровое ухо Мори и встал со складного стула.

Жестом пригласив Наоми следовать за ним в коридор, Итан закрыл за собой дверь.

В начале недели он убедил себя, что то, как ее красота перевернула все внутри него и затуманило взор, было простой случайностью, уловкой освещения в конференц-центре или следствием пустого желудка.

Но как бы не так.

Она смотрела на него, сведя брови на переносице. Очевидное недовольство, исходившее от нее, никак не избавляло от ощущения, что в этой женщине было нечто потрясающее. словно она была нарисована более яркими красками, чем все остальные. Итан внезапно осознал, что едва дышит, упиваясь ее видом, подобно кислороду в темноте коридора.

– Ого, – невольно вырвалось у него. Он тут же затряс головой, жар подступил к шее. – В смысле, привет.

Хмурое выражение ее лица слегка дрогнуло, и впервые со дня их знакомства Итан смог себе представить, насколько ошеломительной может быть ее улыбка.

– Предпочитаю «ого», – ответила Наоми, разглядывая его без тени стеснения.

Волна смущения обрушилась на него. Когда она видела его в прошлый раз и назвала сексуальным, он был без ермолки. Конечно, вряд ли религиозный головной убор сильно что-то менял, но и исключать это было нельзя. Возможно, при виде его теперь она видит только груз ответственности.

Пожалуй, это было к лучшему. Итан сомневался, что сможет сконцентрироваться, если она будет на него смотреть так же, как в конференц-центре: словно он – лакомый кусочек.

– Не ожидал увидеть тебя снова.

Если и существует женщина, у которой есть дела поважнее, чем разговаривать с ним, то это определенно Наоми Грант.

– Я помешала? – она кивнула в сторону зала позади него.

Мори бесцеремонно наблюдал за ними через внутреннее окно.

– Не обращайтесь на меня внимания, – донесся голос старика через оргстекло, пока он выпрямлялся во все свои метр шестьдесят пять. – Я как раз собирался уходить.

Выйдя из зала, Мори пронесся по коридору так быстро, как Итану прежде не доводилось видеть.

Стоило ему исчезнуть, как Наоми перевела свой пронзительный взгляд на Итана.

– Ты все еще заинтересован в работе со мной?

– Э-э-э, – промычал он, хмурясь, – в смысле, да. Да! – Ка-

залось, от одного ее присутствия темное помещение наполняется светом. – Хочу.

– Хорошо, – кивнула Наоми. – Тогда проведи мне презентацию.

– Что, прости? – Может, если он посмотрит на нее под углом, а не прямо, то ему будет легче сосредоточиться.

– Это ведь бизнес-предложение? – Она сложила руки на груди. – На конференции ты слегка обрисовал суть дела, и сейчас я готова рассмотреть предложение. Но, чтобы прийти к окончательному решению, нужно углубиться в детали.

Несмотря на то что Наоми казалась сегодня более дружелюбной, чем тогда, на конференции, тусклое освещение, исходившее от лампочек в коридоре, не скрывало того, как сверкали ее огненные волосы, грозясь обратить в пепел все вокруг.

Итан сказал первое, что пришло в голову:

– Я не пытаюсь тебя обмануть.

– Так все говорят. – Ее взгляд застыл на выходе позади него.

Точно. Ему стоит показать Наоми, что здесь она в безопасности и ей рады.

– Почему бы нам не выйти на улицу? На заднем дворе есть лавочка.

Возможно, за стенами синагоги она почувствует себя менее напряженно.

– Обычно я не такая привередливая, – призналась Наоми,

последовав за ним к выходу, словно опасаясь, что язык ее тела выдаст желание сбежать.

Они дошли до старой лавочки, которую Сэл Штайн посвятил своей усопшей жене. Итан произнес быструю молитву, коснувшись таблички с именем, после чего, рассеянно пробежавшись пальцами по надписи, на мгновение предался чужим воспоминаниям.

Когда они устроились на противоположных концах скамейки, тишина, царившая в воздухе ранней весны, протянулась между ними, хрупкая и свежая.

Наоми попросила его провести презентацию, напомнил он себе, и прочистил горло.

– В общем, наша синагога поддерживает разные культурные и образовательные программы...

– Я не понимаю, – перебила его Наоми.

– Чего именно? – Его не смущали внезапные вопросы. Многие люди принимают оборонительную позицию, если чувствуют себя неуютно.

– Ты говорил, что работал учителем физики. Там, в конференц-центре.

Итан выпрямился, удивленный тем, что она помнила.

– Работал. В Гринбрайер, Санта-Моника.

Это была элитная средняя школа для отпрысков богатых и известных людей.

– И сейчас ты – раввин? – Положение ее плеч выражало непокорность. – Разве не существует внутреннего противо-

речия между наукой и религией?

Итан вздохнул. Его желание стать раввином было следствием коктейля из горя и скорби. Как выяснилось, ему легче было направить суть своей системы убеждений на одну конкретную книгу. Пусть выбор этой книги и оказался неожиданным.

Он пожал плечами:

– Всему виной Эйнштейн.

– Серьезно? Это такая отмазка? – Голос Наоми позвучал как шорох огнива.

Он позволил углям истлеть и потухнуть.

– В 1931 году Эйнштейн написал: «Осознание того факта, что существует нечто непостижимое нам, ощущение того, что наши хрупкие умы способны представлять высокую мудрость и лучезарную красоту всего сущего лишь в самой примитивной форме, и есть чувство истинной религиозности».

Наоми покачала головой.

– И ты все это запомнил?

– Эти слова имели для меня смысл, когда все остальное – нет, – ответил Итан, думая о том, как стоял под дождем на похоронах своего отца. – Факт того, что во Вселенной так много всего, чего мне никогда не понять, не разгадать, – неважно, сколько я буду проводить исследований. Осознание того, что моя жизнь не является задачей, которую я смогу когда-нибудь решить, позволило мне направить свою

энергию на нечто другое. Слова Эйнштейна были подобны глотку свободы.

Она перевела взгляд на мрачный внутренний дворик. «Наверняка перебирает в голове названия разросшихся сорняков», – подумал Итан.

– Значит, – начала Наоми, словно тщательно подбирала каждое слово, – Эйнштейн помог тебе понять, что не ученье – свет?

– Скорее, судьба, – поправил он мягко.

– Не вижу разницы. – От намек на поддразнивание в ее голосе по его позвоночнику пробежала приятная дрожь.

А вот это уже было неловко.

– Я всегда хотел ответов. – Он буквально сводил себя с ума из-за их отсутствия. – Мои исследования в области физики и изучение Торы начались в погоне за пониманием бесконечных тайн взаимосвязанной вселенной. Я продолжаю изучать и то и другое. Человечество гонится за знанием. Иудаизм же предлагает лестницу, чтобы стать лучшим человеком, и мне никогда не придется останавливаться на пути к большему. – Итан потер затылок. – Только сейчас, произнеся это вслух, я понял, как идеалистично это звучит.

Наоми тихонько фыркнула.

– Если уж идеализм – твой самый большой грех, то ты лучший мужчина из тех, кого я встречала.

Итан был благодарен наступившим сумеркам за то, что они накрыли тенью часть его лица, незамедлительно отреа-

гировавшего на ее комплимент.

– Уверена, твои службы пользуются большой популярностью. – Положив руку на спинку лавочки, Наоми придвинулась к Итану на пару сантиметров. – Ты такой молодой, красивый и умный. – Она поморщилась, внезапно развеселившись. – Да еще и с такими губами.

Тяжело сглотнув, Итан заерзал на месте и невольно бросил взгляд на дверь синагоги, хоть и знал, что они здесь одни.

Наоми усмехнулась.

– Хочу признать, что твоя история о том, как ученый познал Бога, – она работает. Но я так полагаю, только с заинтересованными в подобных вещах людьми. Мне совсем не обязательно находиться здесь и выполнять роль приманки.

– Я не ищу приманки. – Разочарование отразилось во всем, что он находил в ней очаровательным. – Слушай, если я смогу убедить тебя провести цикл семинаров с посылом, что иудаизм подходит и людям нового поколения, то, вероятно, привлеку более широкую аудиторию. Спасу религию моих предков от забвения. Вера и наука изменчивы, по крайней мере в моем представлении. Понятия изменяются и адаптируются, уступают и эволюционируют, в точности как люди, которые хотят выжить. Это предложение логично, с какой стороны ни глянь.

– Это, – начала Наоми медленно, – весьма необычное и сложное оправдание того факта, что ты пытаешься нанять бывшую порноактрису, чтобы привлечь молодежь в синаго-

гу.

Итан запустил пальцы в волосы. Ему уже пора было стричься. Отросшие пряди щекотали шею, но в данный момент он был не готов отказываться от чего-либо, за что можно держаться.

– Ты не так хорошо меня понимаешь, как тебе кажется.

Наоми повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

– И как ты это понял?

– Ты то и дело пытаешься подловить меня на лжи.

Она текучим движением пожала плечами.

– Я встречала много лжецов.

– Я хочу нанять тебя потому, что ты притягательна.

Правда открылась слишком рано и неожиданно. Достаточно резко, чтобы поразить их обоих в упор. Несколько долгих секунд они молчали.

– Я имею в виду, – начал уточнять Итан, – это очевидно, что ты обладаешь уникальными знаниями в своей области. Кроме того, – поспешил добавить он, – хочешь преподавать и заслуживаешь своего личного лекционного зала.

Ее губы изогнулись в усмешке:

– Эту речь ты тоже выучил?

– Нет. – Он коснулся пальцем своих губ. – Но я бы обязательно что-нибудь сочинил, если бы знал, что ты придешь.

Итан так и не смог выкинуть Наоми Грант из головы. В ней было что-то живительное. Непокколебимое – не то слово. Все в ее облике было отполировано до блеска. Она каза-

лась... неприступной.

Наоми была именно тем человеком, в котором нуждалась синагога. Он не планировал предлагать потенциальным прихожанам лекции о любви и сексе до того момента, как узнал, что она преподает без живой аудитории. Но при взгляде назад идея организовать обучающий курс казалась ему превосходной. Семинары об интимной жизни в современном мире, которые смогут зажечь искру возрождения Бет Элохим.

– Есть вероятность, что это не сработает, – заметила она, словно прочитав его мысли. – Я о твоём обнадеживающем видении предмета. Люди боятся порно.

– Да. Ну, еще люди боятся религии.

Жизнь была намного проще, когда он был просто Итаном Коэном, рассеянным учителем физики.

– Хочешь сказать, что это делает нас представителями противоборствующих сторон?

Ее стоицизм вызвал у Итана улыбку.

– Я могу работать в условиях возможной неудачи, если ты, конечно, тоже.

Наоми прикусила нижнюю губу. Итан позавидовал ее зубам, способным касаться этих губ.

– Мне не привыкать.

За время их молчания в его груди начало расцветать что-то абсурдно обнадеживающее.

Глаза Наоми сузились, словно она почувствовала и это.

– Если ударишься в лирику о божественном вмешатель-

стве, я тебя поколочу.

– Меня еще никогда не колотили, – парировал он весело.

– Оно и видно. – Ее глаза сверкнули в темноте.

Итану показалось, что он близок к тому, чтобы расположить ее к себе. По крайней мере, сегодня.

Скрестив ноги, Наоми вновь приняла нетерпеливую позу.

– Почему предмет семинара связан с интимной жизнью?

Итан задумался, существуют ли люди, которые находят спор с Наоми напряженным, а не увлекательным. Ему всегда нравились вопросы на засыпку.

– Интимная жизнь – наименьший общий знаменатель между популярными веяниями и тем видом общины, которую я хочу создать в Бет Элохим. Это единственная доступная отправная точка, приходящая на ум, когда думаю об одиноких молодых людях.

– Потому что вся молодежь сексуально озабочена?

– Потому что, – сказал он, избегая этой темы как чумы, – мы оставили общинное поселение наших предков, мигрировали в большие города, а теперь страдаем.

– Говори за себя, – пробормотала Наоми себе под нос.

– Как только я встретил тебя, – продолжил Итан, – задумался, каким образом нынешние версии близости и любви выглядят относительно иудаизма. Если мы сможем ответить на этот вопрос или хотя бы немного приблизиться к ответу, это будет настоящей революцией.

– Тебе что-нибудь говорит выражение «твое эго такое

большое, что не помещается в штанах»)?

– Да. Веришь или нет, даже раввины понимают шутки про члены, – ответил он невозмутимо и тут же расплылся в улыбке, увидев проблеск удивления на ее лице.

Ему нужно приучить себя перестать ей улыбаться. Еще подумает, что с ним что-то не так из-за того, что он не может держать рот закрытым.

– Содержание семинара можно сделать весьма разностронним, – он попытался вернуть разговор в деловое русло. – Я доверяю тебе разработку серии лекций с учетом особенностей публики и того, чего мы пытаемся добиться.

– И наша цель – это... помочь молодым людям обрести религию? – сказала она таким тоном, словно его миссия –дохлый номер.

Утверждение было правдивым, но не полностью. Пытаться исправить мышление Наоми – вероятно, не лучшая идея, но он понимал: чтобы заручиться ее поддержкой, ему надо хотя бы постараться разъяснить ей все. Его рабочий лексикон был полон обманчивых словечек, таких как «вера», которые имели бесконечно сложные определения. К счастью, Итан был прагматиком по натуре и реалистом в силу опыта.

– Все проще, чем кажется. Я хочу дать людям основания верить. В себя, друг в друга или в нечто большее.

Долгое время она пристально смотрела на него. Итан почти физически ощущал ее желание снять с него кожу слой за слоем, чтобы узнать, прогнила ли сердцевина.

– Да ладно, Наоми Грант. Только не говори, что совсем не заинтригована.

Что, если он хочет этого слишком сильно? Он то и дело спрашивал себя, чего будет стоить неудача.

– О, я порядком заинтригована. – Она прошлась пальцами по табличке с именем, вторя его движениям. – Но, несмотря на красивые речи, ты так ничего и не сказал о технической составляющей.

– Я не силен в подобных вещах. – Что является недостатком для любого человека, особенно раввина.

– Большинство людей не заявляют о своих слабостях так прямо. – Ее голос был полон нежной задумчивости.

Он удерживал ее взгляд несколько мгновений.

– Может, им стоило бы.

Кто знает, когда семинары закончатся, возможно, он пригласит ее на свидание. Итан давно не выбирался ни с кем на прогулку, но, опять-таки, он не мог вспомнить, когда последний раз ему так сильно хотелось узнать кого-то поближе.

Прищуриив глаза, Наоми первая разорвала зрительный контакт.

– Ты тянешь время.

– Ладно, вот мое предложение. Раз в неделю мы собираемся на час-полтора на семинары в Еврейском общинном центре. Это место не такое пугающее, как синагога, – добавил он, предугадав ее вопрос. – В идеале учебный план должен быть рассчитан на шесть-восемь недель. Так он впишется в

наш график мероприятий.

Наоми разглядывала свою кутикулу.

– Могу я выбрать день недели?

– Конечно. Но только не Шаббат⁷.

– Вторник. У меня занятия по крав-мага по понедельникам и средам.

– Договорились. Разработай программу. Внеси туда все, что, по твоему мнению, необходимо знать об интимной жизни.

Она вздернула бровь.

– Ты даешь мне карт-бланш?

Обычно Итан не вмешивался в учебные материалы профессоров, которых нанимал.

Наоми поднялась на ноги.

– Нам надо будет провести пробное занятие. Давай договоримся, что если первый семинар не увенчается успехом, то мы просто свернем этот проект.

– Пусть будет по-твоему. – Он тоже встал. – Об условиях оплаты...

Она лишь отмахнулась.

– Тебе не по карману мои услуги спикера. Я буду заниматься этим как волонтер.

– Нет. В этом нет необходимости.

Должно быть, он выглядел серьезно, потому что она смяг-

⁷ Праздник, встреча субботы, день отдыха, вековая традиция, уходящая корнями в древнюю историю еврейского народа.

чилась.

– Хорошо. Как насчет шестидесяти баксов за занятие?

Такая ставка была оскорбительно низкой, и они оба это понимали.

– Я бы поспорил с тобой, но чувствую, что проиграю.

Наоми лишь одарила его фальшивой улыбкой, которую он видел, когда они были в конференц-центре.

– Доверяй своим инстинктам.

– Тебя устроит, если мы проведем первый семинар через две недели? Этого времени хватит, чтобы забронировать зал и распространить информацию среди прихожан. Я планирую связаться с молодежным движением «Гилель»⁸ в Калифорнийском университете.

– Тогда увидимся через две недели. – Наоми протянула ему руку.

Итан ответил ей спустя мгновение. При таком близком рассмотрении ее глаза казались совершенно зелеными.

В его распоряжении было четырнадцать дней, чтобы собраться с силами. Он надеялся, что этого будет достаточно.

⁸ Всемирное студенческое движение, крупнейшая в мире молодежная организация, способствующая возрождению еврейской жизни.

Глава 4

Когда мать Итана позвонила ему в середине недели и сказала, что хочет устроить пятничный ужин в честь приезда его сестры, он сразу понял, что она опять забыла про шаббат.

Это было обычным явлением. Поэтому он деликатно напомнил ей о своих еженедельных обязанностях, полагая, что она изменит планы. Но она настояла на своем и, совершив пару манипуляций, которые он услышал через телефон, отправила ему электронное письмо с приглашением. По личному уставу Рене Коэн, использование приложения «Календарь» было юридически обязательным.

Лишь в редчайших случаях его мать доставала рукописные карточки с семейными рецептами, передаваемыми из поколения в поколение, и расшифровывала слова, половина которых была написана на немецком. Причем в кратчайшие сроки.

Итан мысленно готовился к вечеру, полному мелких катастроф.

И действительно, когда наступил пятничный вечер, трудно было понять, кто чувствует себя хуже, пока его мать дрожащими руками пытается зажечь свечи. Щеки Рене залились густым румянцем, когда она произносила молитву на иудейском, поспешно пытаясь вспомнить нужные слова, пока огонь спички не обжег ей пальцы.

Сестра Итана, Лия, то и дело извинялась за то, что не может взять на себя эту обязанность. Лия проводила большую часть года на съемках в экзотических локациях в качестве продюсера реалити-шоу на ТВ. По ее собственному признанию, соблюдать традиции, проживая в палатке на крошечном острове у побережья Мауи, было весьма проблематично.

Итан вспотел под ермолкой. Температура в гостиной его матери едва ли достигала двадцати четырех градусов, но прямо из кухни валил пар от старой и, как следствие, износившейся духовки.

– Почему ты просто не воспользуешься английским переводом? – Желудок Итана виновато сжался. С его стороны было бестактно заставлять семью соблюдать обычаи, которые они не до конца понимали.

До того как он стал раввином, ужины в честь Шаббата в семье Коэн проходили редко и были не религиозной практикой, а, скорее, поводом собрать вместе друзей и семью. Молитвы произносились наспех, чтобы поскорее приступить к еде. На мгновение Итан позавидовал другим раввинам, у которых в роду было несколько поколений благочестивых верующих.

Нельзя было отрицать то, что религиозная среда, в которой он провел последние шесть лет, отдалила его от близких родственников.

Его мать поморщилась:

– Да уж, стоило бы додуматься.

– Я видел и похуже, – успокоил ее Итан, что технически было правдой, хоть и не на все сто.

Когда Итан был ребенком, Коэны чтитли амбиции больше, чем Тору. Его мать сделала себе имя в этом городе, построив карьеру в студийной компании наперекор мужчинам, которые изо всех сил пытались доказать, что ей там не место. К тому времени, когда Итан перешел в старшие классы, она уже стала влиятельным агентом. Окружающие полагали, что дети пойдут по ее стопам, и если бы не смерть отца, то, возможно, так бы Итан и поступил.

Рене работала усердно и так многого добилась, что иногда они с Лией забывали, что есть что-то, в чем она бессильна. С самого детства Итана готовили к роли корпоративного ловкача, сидящего за огромным столом, за которым он бы рас­торгал сделки и разбивал мечты. Рене нравилось винить ангельские кудряшки, унаследованные им от отца, в том, что она с ранних лет начала давать его на руки разным незна­комцам и потом уже не смогла остановиться.

– Ты просто рожден с лицом бизнесмена!

Продуктивность, эффективность, нацеленность на результат – вот чем руководствовалась его мать.

Когда свечи наконец-то загорелись, Итан поспешно перешел к молитве над бокалом вина⁹.

Стоило отдать ей должное, его мать не особо взволновал

⁹ Еврейский обряд освящения, производимый над бокалом вина. Совершается перед вечерними и утренними трапезами Шаббата и праздников.

факт того, что в колледже он начал изучать физику, а не коммерцию. Рене завоевала репутацию женщины, которая держит удар, именно поэтому ее неловкость так бросалась в глаза, когда она пыталась вспомнить молитву, которую не проносила еженедельно уже почти десять лет.

После еще нескольких неловких попыток они сумели произнести оставшиеся молитвы, совершили омовение рук, провели обряд халы и с единодушным вздохом облегчения принялись за ужин. Казалось, обеденный стол растянулся на полтора километра от края до края.

– Как тебе хала? – поинтересовалась Рене, нарушая неловкую тишину. – Я сходила в ту пекарню на Мелроуз, о которой ты всегда говоришь. – Она слегка подалась вперед, явно желая провести хоть какую-то часть вечера без проблем.

– Очень вкусная, – ответил Итан и не соврал. Хала в виде косы была пышной и маслянистой, с идеальной золотистой корочкой. – Спасибо за старания, мам. Я очень ценю это.

Рене улыбнулась.

– Ну что ты! Я просто хочу, чтобы тебе было уютно здесь. – Ее взгляд задержался на пустом стуле, стоявшем во главе стола.

Ее посыл был понятен. Она хотела, чтобы он продолжал приходить в гости даже после смерти отца. После того как Итан сбежал в Бруклин, чтобы жить с кузенами. После того как решил стать раввином и возвести между ними стены, по которым она не могла вскарабкаться.

Его отец был человеком, которого всегда заботили еврейские традиции, включая встречу Шаббата. Ари Коэн был хранителем многих ценностей в их семье, но они не замечали этого, пока его не стало.

После смерти отца общение Итана как с Лией, так и с матерью кардинально изменилось. Каждый отреагировал на утрату по-своему. Все отделись работе. Разбежались в разные стороны, но время от времени сталкивались друг с другом, словно деформированные фрагменты пазла, которые перестали совпадать.

Подавшись вперед, Итан сжал руку матери в попытке приободрить ее.

– Это место, где я вырос. Мне здесь всегда уютно.

Пока его мать не отвернулась, он даже не осознавал, что это ложь. На самом же деле он избегал своего дома при любой возможности.

Итан вспомнил отрывок из еврейской мистики, известной под названием «Ришима», что в переводе означает «отпечаток пережитого». Согласно ей, если ты сумел что-либо пережить и отпустить без воспоминаний и размышлений; если ты не изменился, пройдя через все это, то появляется ощущение, словно это событие никогда и не случилось. Но если пережитое оставило отпечаток, вдохновило на рост или определило курс жизни, то, согласно мистике, даже самый болезненный и сложный период жизни становился благословенным уроком.

Глухой отголосок присутствия отца за столом, фантомные прикосновения его благословляющих рук к голове Итана – это и есть «Ришима». Несмотря на боль, это лучше, чем жить, отрицая случившееся со всеми ними.

Отлучившись на кухню, Рене вернулась с чашами супа на подносе. Итан тут же вскочил, чтобы помочь ей, и мать мимолетно поцеловала его в щеку. По ее мнению, преданность религиозному учению изменила его, превратила в человека, которого она не до конца узнавала. Но, несмотря на изменения, произошедшие с ним с тех пор, как ему было двадцать шесть, он все так же скучал по уюту родного дома и своей семье.

– Ну, – начала Лия, когда суп был подан; ее голос был подобен мосту, тянущемуся через пропасть неуютной тишины, – что новенького?

– Сегодня мы закрыли сделку по приобретению. – Мама передала Итану салат. – Штат агентства достиг четырехсот сотрудников.

Лия тихо присвистнула:

– Мам, это круто!

Их мать согласно кивнула.

– Спасибо.

Лия перевела взгляд на Итана. После последней командировки веснушек на ее лице явно прибавилось.

– Что насчет тебя, Итан?

Вертя в руках вилку, Итан притворно вглядывался в вод-

ные разводы.

– Э-э-э... ну... вообще-то, я нанял кое-кого, чтобы вести курс лекций в общинном центре.

И почему он решил затронуть эту тему?

Вероятно, потому что думал о Наоми большую часть времени.

– Звучит интересно. – Рене зачерпнула ложкой суп. – Кого-нибудь, о ком я слышала?

– Возможно. – Итан не мог решить, хочет ли он, чтобы его мать узнала, кем была Наоми. – Ее зовут Наоми Грант.

– Да ладно! – Лия ударила по обеденному столу обеими ладонями, отчего зазвенела посуда и задрожало масло. – Ты взял на работу Наоми Грант? Шутишь! А в жизни она такая же дерзкая, как в Интернете?

Две спешно поглощенные ложки горячего супа не спасли его от двух пар зорких глаз, ждавших ответа.

– Да, она впечатляет, – наконец ответил он. Горло буквально горело огнем.

Откинувшись на стуле, Лия скрестила руки на груди.

– Не могу поверить, что тебе удалось взять на работу кого-то настолько крутого, как Наоми Грант.

– Намекаешь, что я не крутой? – В этом месяце его самолюбию был нанесен уже немалый урон.

– Именно об этом я и говорю, – подтвердила Лия без капли раскаяния.

– Милый, я считаю тебя крутым, – пожала плечами его

мама. – Ну, знаешь, для раввина.

Итан вздохнул.

– Так кто такая Наоми Грант? – Взгляд Рене метался между сыном и дочкой.

Итан замолчал, не уверенный в том, как именно Наоми предпочитала преподносить свое резюме.

– Она местный предприниматель и работник индустрии развлечений.

Отломив себе еще хлеба, Лия улыбнулась.

– Итан принципиально не упомянул, что она бывшая порнозвезда, которая теперь управляет самым популярным в стране сайтом по половому просвещению.

Он метнул в нее злобный взгляд.

– Ну спасибо.

Пусть им обоим было уже за тридцать, Лия оставалась тем же непокорным ребенком и хваталась за любую возможность создать Итану – с его-то блестящей репутацией со школьных времен – проблемы.

Сестра лучезарно улыбнулась Итану через стол.

– Понятно. – Брови Рене пропутешествовали до линии роста волос. – И что же эта мисс Грант будет делать в синагоге? Она, конечно же, не сможет воспроизвести там один из своих...

Лия хихикнула.

Итан закрыл глаза и досчитал до трех.

– Я нанял ее, чтобы проводить семинары по устройству

интимной жизни в современном мире.

– Вот как. – Рене медленно опустила ложку. – Ну, это определено... другое.

– В этом и суть, – сказал Итан. – Я уже как-то говорил, что пытаюсь привлечь более молодых прихожан. Эти мероприятия позволят Бет Элохим попасть на радары тех людей, которые никогда не обратили бы на нас внимание. А у Наоми уникальное резюме, которое делает ее точку зрения невероятно ценной.

– Пригласи ее как-нибудь к нам, – предложила Лия. – Мы с мамой будем рады ее видеть.

Итан потянулся и отдал ногу сестры под столом.

– Что не так? – Рене опустила ложку и нахмурилась, заметив напряжение между своими детьми. – По-вашему, я буду вас смущать? К вашему сведению, я за свою жизнь видела много порнографии.

Итан и Лия обменялись испуганными взглядами.

– Видишь, что ты натворила? – Итан устремил свой взгляд на мать, которая безмятежно накладывала себе грудинку с ломающейся тарелки в центре стола.

– Да уж, каюсь. – Опустив ложку, Лия сделала приличный глоток вина.

Рене задумчиво напевала себе под нос.

– Какие конкретно темы затронет этот обучающий курс?

– О, хороший вопрос, мам! – Лия никогда еще не выглядела такой довольной, как сейчас, когда Итан взял на себя

ношу самого неловкого разговора за столом.

Он мысленно отметил, что при первой же возможности нужно будет расспросить ее о бывшем парне.

Итан положил себе немного зеленого горошка.

– Программа, которую составила Наоми, строится на семи этапах взаимоотношений. – Она отправила ему проект в начале недели. – Все начинается с того, как найти подходящего для отношений человека; затем слушателям представляется примерный сценарий первого свидания, чтобы помочь решить, по-настоящему ли тебе нравится человек.

– О-о-о, звучит очень кстати. – Лия ткнула в его сторону вилкой. – Я никогда не понимаю, встречаюсь ли с кем-то просто со скуки.

– Правда? – нахмурилась Рене, держа в руке стакан.

– Еще как, – подтвердила Лия.

– Как я уже говорил, – продолжил Итан, – после раздела о свидании следует раздел о практике общения. Затем, кажется, интегрирование нового человека в свою жизнь. – Он попробовал салат и начал задумчиво жевать. – То есть знакомство с друзьями и все в этом духе.

– Оу. Должно быть, для тебя это весело, – заключила мать. – Все твои друзья – восьмидесятилетние старики.

– Не все. – Итан задумался. – Просто они составляют большинство людей, с кем я провожу время.

Если уж начистоту, то в состав межсинагогской софтбольтной лиги, с которой он тренировался, входили люди и помо-

ложе его, пусть они и не были частью его команды.

Лия поперчила салат.

– Что обычно случается, когда ты знакомишь девушку со своими седовласыми друзьями?

– Этот учебный курс не для меня. – Итан кинул на нее предупреждающий взгляд. – Он разработан для... людей определенной категории.

– А кто сказал, что ты не входишь в эту категорию? – вскинулась его мать.

– Смени тему, – попросил он Лию шепотом.

Она лишь наклонила голову и притворилась, что не понимает его.

Им все казалось простым. Словно он мог просто встретить кого-то и начать отношения, как любой нормальный человек, но этот вечер – наглядный пример того, как неловко ему было заставлять близких людей выполнять религиозный обряд ради него. Он не хотел ставить в такое положение ни одну из своих перспектив романтического характера.

Что же до отношений с представителями иной веры, то Итан задавался вопросом, готов ли он испытывать пределы своей веры до того, как закрепит фундамент синагоги.

– Никто, мам. Я веду к тому, что...

– Итан боится отношений, – заявила Лия. – Он волнуется, что никто не сможет понять его теперь, когда он раввин.

Да уж, жаль, что ему придется начать избегать общества сестры вскоре после ее возвращения.

– Следующий раздел, – объявил он, пока его мать не успела вникнуть в слова дочери, – затрагивает физическую близость или же проблемы ее отсутствия. Полагаю, здесь все зависит от человека и предпочтений его партнера.

– Звучит разумно, – сказала Рене, отвлекшись на намеки на продолжение рода. – Уверена, мисс Грант, учитывая ее опыт, сможет предложить достойное решение проблемы.

Итан кивнул, стараясь не особо задумываться о профессии Наоми, поскольку был уверен, хоть лично и не проверял, что для большинства своих проектов она снялась полностью обнаженной.

– Что следует после раздела о сексе?

Кто же, если не Лия, перейдет к сути дела?!

– Тут-то, по-моему, и начинается самое интересное.

Лия усмехнулась.

– Ну только ты можешь считать, что самое захватывающее происходит после секса.

Итан про себя решил отказать Лии в аренде машины, когда она неминуемо к нему обратится.

– Шестой раздел посвящен откровениям о прошлой жизни и обсуждению совместного будущего.

– Есть в этом нечто символичное, – радостно кивнула мать. Перебранка между детьми никак не портила ей удовольствие от семейного вечера. Дело было либо в этом, либо она успела выпить больше вина, чем он предполагал. – Еще

кугеля¹⁰?

– Да, спасибо. – Итан отрезал еще пару кусков. Хотя мать не соблюдала традиций регулярно, она была на удивление отличным поваром.

Лия загнула очередной палец.

– И о чем же последний раздел?

– О расставании.

– Что? – переспросили одновременно Лия и Рене.

Итан опустил соусник.

– Наоми считает, что расставания неизбежны и самое благородное, что мы можем сделать, – это поделиться с людьми советами, которые помогут пережить разрыв.

– Что ж, – сказала мать, вытирая губы салфеткой, – эта Наоми определенно забавная.

– Не думаю, что расставание – это самое страшное в мире, – осторожно добавил Итан. – Нас никто не учит тому, как отпускать людей, как прийти в себя, как начать двигаться дальше.

Рене откашлялась.

– Нет, ты прав. – Она крошила халу, уставившись рассеянным взглядом на каминную полку. – Но сомневаюсь, что это хоть как-то поможет подготовиться.

Итан знал, что ее взгляд остановился на черно-белом снимке. На нем отец смеялся над крошечной рыбой, которую

¹⁰ Традиционное блюдо еврейской кухни, напоминающее запеканку или пудинг. Классическим является кугель из лапши с гусяным жиром, залитый яйцом.

Итан поймал во время семейной поездки на озеро: его голова откинута назад, а кожа загорела после нескольких дней, проведенных под солнцем.

– Коварство горя в том, что, даже когда знаем, что оно грядет, мы недооцениваем нашу собственную способность к страданию.

Чувство вины начало разъедать Итана изнутри, подобно жидкости для розжига. Он понимал, что в глазах матери он выглядел человеком, который ударился в религию, в то время как Лия начала гоняться за приключениями. Они оба нашли дело, заполнившее время, которое ранее они проводили здесь, с матерью.

Итан испытал облегчение, когда служение общине привело к отказу от какой-то части себя. Чем больше времени он проводил в раздумьях о Боге, тем меньше думал о собственных потерях.

Как он мог предложить кому-то свое сердце, когда его уже не хватало на всех?

– Мам... – Лия встала и обняла мать за плечи.

– Ой, не волнуйтесь за меня. – Рене выдавила из себя смешок, поглаживая руки Лии. – Я как-нибудь загляну на один из семинаров Итана. Возьму на заметку пару советов Наоми Грант.

– Только не это, – простонал Итан. – Прошу, не надо.

– Эй, – зыркнула на него Лия, – где твоя любезность? Я-то думала, ты пытаешься привлечь новых прихожан.

Вечер мелких катастроф – как оказалось, это было мягко сказано.

Глава 5

Устройство интимной жизни в современном мире

ЛЕКЦИЯ № 1

Иди своей дорогой, придурок

При обычных обстоятельствах Наоми справлялась с «синдромом самозванца», слушая зубосжимательные и сердитые песни. Но сейчас, когда она стояла за уродливой кафедрой перед своей первой публикой, ни один из ее проверенных трюков для преодоления стресса не работал. Она изо всех сил старалась контролировать дыхание, чтобы утихомирить колыхание груди. Задача не из простых, учитывая, что ее грудь – одна из самых узнаваемых в стране.

Наоми уже давно не нервничала так сильно. Этот зуд под кожей, от которого у нее внутри все сжималось, был даже приятен и служил топливом для ее утомленного двигателя-сердца.

С тех пор как она побывала в синагоге, прошло две недели, весьма насыщенных из-за ее плотного графика и общей нервозности оттого, что она согласилась на эту работу. Они с Итаном обменялись парой имейлов касательно учебной программы. Все бы ничего, но Наоми поймала себя на том, что слишком долго раздумывала над подписью, пока в конечном счете не решила, что между «Спокойной ночи» и «Спокойной ночи!» нет особой разницы. Она никогда не пускала в ход этот дешевый приемчик с восклицательным знаком и не собиралась начинать сейчас.

Учитывая его руководящую должность и – если начистоту – тот факт, что он мужчина, Наоми в какой-то степени ожидала получить от Итана много замечаний по поводу учебной программы. Но он одобрил все, кроме разве что предложения внести обсуждение моральных ценностей, не ограниченных доктриной, в раздел о построении совместного будущего.

Сейчас он представлял Наоми аудитории, описывая ее фразами, взятыми из официальной биографии на сайте «Бесстыжих», а также перечислял дипломы и медианаграды. Она как раз вошла в топ «30 за 30» всего пару дней назад.

Когда кто-то из толпы гадко пошутил про «папочку», Наоми впилась ногтями себе в ладони, но, оглядев помещение, которое они зарезервировали в Еврейском общинном центре, пришла к выводу, что количество слушателей сложно назвать настоящей толпой.

В многоцелевом зале было шесть рядов, в каждом – по двенадцать раскладных стульев, расположенных за длинными пластиковыми столами. И только в последних рядах сидели несколько человек. Наоми быстро посчитала в уме. Четырнадцать человек явились в надежде услышать содержательную лекцию об интимной жизни. Ну, по крайней мере, она может признать, что ей есть к чему стремиться.

– Вы наверняка задаетесь вопросом, почему синагога спонсирует семинар по половому просвещению, – сказал Итан.

Наоми задержала дыхание. Она все гадала, когда же он затронет самую щепетильную тему. Эти люди воспитывались в рамках традиционного иудаизма, а она была далека от него. Насколько хватит этой ее бравადы крутой девочки, если они вдруг дружно решат подняться и уйти?

Единственное правило, которого придерживалась Наоми, колеся по миру в качестве работника секс-индустрии, заключалось в том, чтобы не показывать своей слабости. Ни на секунду. Она знала по опыту, что всегда нужно быть готовой к тому, что кто-то может сострить в ее адрес или кинуть в нее камень, ненароком упомянув ее прошлую профессию. Лучше жить и быть готовой к неприятным подколам. Быть готовой к бою.

– Сколько человек из вас считают себя евреями? – спросил Итан.

Почти каждый поднял руку.

Это было логично, учитывая, что он пригласил сюда в основном представителей движения «Гилель».

– Отлично. И кто посещал синагогу хоть раз за последние три месяца?

Лишь несколько рук остались поднятыми. Очевидно, Итан не ошибся насчет разобщения между молодежью и религией.

– А за последние шесть месяцев?

Добавилась пара рук, не больше.

– Хорошо. – Итан кивнул, явно не слишком удивленный. – Что ж, я хочу попытаться изменить это и думаю, что для этого, как и в любых других отношениях, мне нужно показать вам, почему наша синагога стоит вашего времени.

Аудитория, преимущественно состоявшая из девушек от двадцати до тридцати лет, следила за ним с каменными и в то же время настороженными лицами.

– Иными словами, – продолжил объяснять Итан, – если вы не идете мне навстречу, то навстречу вам иду я. И, судя по всему, многих из вас волнует тема романтических отношений, а интимная жизнь – ключевая составляющая нашей веры. И вот мы здесь. Собрались, чтобы познать. Обрести связь. И я надеюсь, что знания Наоми обогатят нашу жизнь. Так что да, я собираюсь разыграть долгую партию, и данный семинарский курс по устройству интимной жизни является моей отправной точкой. Если вам понравится то, что вы услышите сегодня, вас ждет приглашение на пятнич-

ную службу в честь Шаббата. А после мы угостим вас вкусным печеньем в общем зале.

Речь была довольно неплохой. В меру расслабленной, чтобы создать иллюзию непринужденности. И в меру серьезной, чтобы завоевать доверие присутствующих.

– ...И на этой ноте я передаю слово Наоми Грант, которая, обещаю, сделает оставшийся вечер для вас более увлекательным. – Мельком улыбнувшись ей, он направился к свободному стулу во втором ряду.

Наоми прикусила щеку изнутри. Обычно ее не так-то просто было заставить нервничать. Благодаря сочетанию многолетней терапии и силы воли она гордилась своей способностью не заикливаться на негативных мыслях и придерживаться правила «разум сильнее материи».

Публичные выступления не тревожили ее. Для Наоми это было очередное представление. Но обнажение души всегда обходилось ей дороже, чем обнажение тела. Она хотела этого слишком сильно, чтобы ее восприняли как авторитетную фигуру, а не просто как объект восхищения. Добиться всеобщего обожания – это одно, гораздо сложнее завоевать уважение.

Не помогало и то, что стены помещения ЕОЦ были от пола до потолка покрыты рисунками детей, резвившихся здесь днем. Не было ни одного пустого места, куда она могла бы направить свой взгляд. Вокруг все пестрило, а зрители смотрели на нее во все глаза, что очень сбивало с толку.

Сила внимания публики ощущалась настолько, что была подобна текиле, устремившейся прямо в кровь, отчего у нее предательски отнялся язык.

На всякий случай Клара распечатала для нее текст лекции. Свое выступление Наоми собиралась открыть с рассказа забавной истории из своей жизни или чего-то в этом духе, что помогло бы аудитории расслабиться и она показалась бы им понятной, близкой и человеческой. В заметках значилась история о пароме.

Аудитория словно упивалась ее молчанием, напряженная и готовая к ее провалу.

– Эй, вы собираетесь учить нас минетам или как? – выкрикнул качок в бейсболке из заднего ряда.

– Ну вот еще! – ответила Наоми с ходу. – Для этого тебе придется оформить платную подписку на «Бесстыжих».

Парень, который секунду назад веселился со своим дружкой, плюхнулся обратно на стул.

Наоми смяла распечатку в кулаке. С каких это пор она начала делать что-то медленно и не спеша? Ее стратегия, единственная, которой она не изменяла, заключалась в том, чтобы прилагать все возможные усилия к решению проблемы. В том, чтобы убежать так быстро и так далеко, что она не сможет вспомнить, где все началось. Эти люди пришли выслушать Наоми Грант. Никто из них не подписывался на тупые анекдоты.

– У скольких из вас нет пары?

Откровенный вопрос всполошил публику. Ни предисловия. Ни разогрева. Словно так и было задумано.

Мгновение никто не реагировал. Наоми отчетливо слышала звук собственного сердцебиения.

В следующую секунду почти каждая рука в зале взметнулась к потолку.

Ну, это уже что-то. Точка соприкосновения в их дискуссии.

Однажды Кэссиди сказала ей своим хриплым голосом с тexasским говором: «Зрители не читают сценариев; и пока тебе удастся удерживать их внимание, ты можешь импровизировать, и никто никогда об этом не узнает».

Записи были уже помяты. Она вряд ли смогла бы разглядеть лист и начать заново. Наоми вдруг осознала, что не хочет разговаривать с этими людьми. «Бесстыжие» полностью удовлетворяли ее потребность в общении, пусть и одностороннем. Причина, по которой она стремилась выступить перед живой аудиторией, была в том, что ей недоставало диалога, чтобы понять жизненный опыт отдельно взятых личностей, создать связь и суметь адаптировать учебную программу под потребности студентов.

– Кто из вас сейчас состоит в отношениях?

В два раза меньше поднятых рук.

– Хорошо, по какой причине?

После нескольких секунд тяжелого молчания и отсутствия добровольцев Итан поднял руку.

– Профессиональный риск.

Помещение наполнилось смешками, и, расправив плечи, Наоми приняла более непринужденную позу. И хоть это и служило напоминанием о том, что Итан был недостижимой мечтой, это также напомнило, что не для нее одной.

Наоми встретилась глазами с красивой блондинкой в джинсовой жилетке, к воротнику которой был приколот значок с феминистским лозунгом.

– А как думаете вы?

Девушка выглядела слегка озадаченной.

– Мужчины – свиньи?

Женщина, сидевшая рядом, поддержала ее сочувственным кивком, после чего поза блондинки стала более уверенной.

– К сожалению, не только мужчины. – Наоми успели разочаровать представители обоих полов. – Что еще может быть причиной?

Кто-то в заднем ряду поднял руку.

– Приложения знакомств – отстой. Все постоянно в поисках чего-то нового.

– О да! Легко пресытиться виртуальными знакомствами. Мы превратили брачные игры в ритуал. – Она оглядела помещение. – Хорошо. Кто следующий?

Понемногу, один за другим, все больше и больше людей добровольно давали ответы, пока конференц-зал не наполнился скандированием проблем современных отношений.

Лос-Анджелес – пустышка. Самых хорошеньких уже разобрали. Отношения обходятся в кругленькую сумму. Отношения утомляют. Половина людей хочет просто трахаться. Секс ужасен. Наоми мысленно велела себе не забыть вручить последней девушке визитку «Бесстыжих».

Список продолжал пополняться. Совместными усилиями они изгоняли демонов отношений, и с каждым новым признанием атмосфера в зале становилась все более непринужденной.

Наоми пришлось потрудиться. Возможно, семи недель лекций будет недостаточно. Эти люди устали страдать в молчании. Они пришли сюда потому, что хотели испепелить свои обиды на публичном костре.

– Достаточно, – Наоми обратилась к зрителям, отвлекая их внимание от побочных разговоров, в которые те углубились. – Прежде чем мы продолжим, я хочу, чтобы вы дали себе право на ошибку. – Стоило ей сказать эти слова, как ее собственные страхи и ошибки тут же пробудились.

Наоми не обманывала людей, выступая в роли эксперта по этой щекотливой теме. Она много работала, чтобы добиться авторитета в области эмоциональной и физической близости. Вся ее карьера строилась на понимании этих взаимосвязей. Но составлять программу здоровых отношений – это одно, а вот следовать ей – совершенно другое.

– Любовь или интимная жизнь, вместе или порознь – я не могу дать гарантий, что вы обретете желаемое по итогам

нашего семинара. Я даже не могу гарантировать, что вы вообще найдете человека – или несколько человек, если это по вашей части, – кто будет готов терпеть вас бóльшую часть времени. Совместимость, доверие, секс – ничего из того, о чем мы будем говорить на этом семинаре, не имеет научной основы.

Наоми нашла взглядом Итана. Выпрямившись, он сидел на стуле: ноги были вытянуты вперед, руки – сложены на коленях. У нее не было времени думать, одобряет ли он ее стиль ведения. Она знала только то, что ей нужно доверять своим инстинктам. Сомнительной путеводной звезде, но, вероятно, единственной доступной на данный момент.

– Может быть, именно поэтому интимная жизнь так тесно связана с верой. Лучшее, что можно сделать, – это выделиться и постараться быть достойными.

Женщина с темными косами подняла руку.

– Слушаю, – слегка оторопев, Наоми оперлась руками о трибуну.

– Я правильно понимаю, что ваш посыл заключается в том, что тезис «одевайся так, как на работу своей мечты» равносителен тезису «одевайся как для члена своей мечты»?

Из Наоми вырвался короткий, но благодарный смешок. И именно в эту секунду она осознала, что эта работа ей по плечу.

– Если вы ищете интрижку на ночь – то да. Но всегда помните, что этого добра и так в достатке. – Она взяла мар-

кер и написала на доске предложение:

Если ты не знаешь, чего хочешь, то не ходи на свидания.

– Можете поблагодарить моего психолога, это его прямая цитата.

Атмосфера в зале стала еще более расслабленной. Клара была права: невозможно обсуждать тему уязвимости и пытаться добиться результата, не показав своих слабостей.

– Сейчас этот совет может показаться грубым. Уверена, кто-то из вас спрашивал себя: «Разве свидания не помогают понять свои предпочтения?», и вы правы. Так и есть. Но ваши усилия принесут лучший результат и сэкономят время, если вы сначала зададитесь вопросом и будете честны с собой в том, что готовы отдавать и получать, находясь в отношениях с другим человеком.

Ею овладело приятное ощущение, вызванное выступлением, и ее речь стала подобна бегу со склона.

– У всех нас разные желания и потребности. Мы живем не в романтическом ситкоме, и не каждого ждет счастливый конец в маленьком городке. Не все хотят обязательств. Не все хотят секса. И уж точно не в одинаковом количестве и не в одно и то же время. И это нормально. Даже хорошо. Не существует правильного ответа на вопрос «Чего ты ищешь?». Но зато существуют бесконечное количество лжи и только одна правда.

Наоми понизила тон своего голоса, переходя от чтения лекции к разговору. Выйдя из-за трибуны, она выдвинула

стул из первого ряда и удобно устроилась на нем.

– Вы должны осознавать свои предпочтения. В какую лоушку вы рискуете угодить не только в романтическом плане, но и в любого рода отношениях.

Она сглотнула.

– Я, например, постоянно влюбляюсь в людей, которые мне не подходят, и до сих пор не позволяю себе открыться любви.

Итан молниеносно вскинул голову, отвлекшись от своих записей.

Наоми сделала глубокий вдох.

– К сожалению, – сказала она, удерживая его взгляд, – осознание своих слабостей не защищает от них полностью.

Ее спасением стало то, что она научилась бросать гранаты на своем пути.

– В ходе семинарского курса мы обсудим как можно больше внешних проблем, которые вы назвали, но сегодня я хочу, чтобы вы сосредоточились на себе и ответили на два вопроса. Каких отношений вы действительно хотите? И каким образом вы сами препятствуете этому? Перед каждым из вас лежит опросник. Ваша задача – ответить как можно конкретнее.

Наоми подняла руку, когда брови слушателей взметнулись вверх, а губы поджалась в знак протеста.

– Прежде чем вы спросите: нет, я не собираюсь собирать опросники или заставлять вас зачитывать их вслух. Можете

сжечь их, когда придете домой.

На минуту Наоми напряглась в ожидании протестов, но, несмотря на обмен настороженными взглядами присутствующих, стоило всем убедиться, что они не одиноки, как зал вновь постепенно погрузился в тишину. Каждый принялся за дело.

После того как группа выполнила задание, Наоми провела следующие полчаса, рассказывая о подводных камнях, поджидающих людей на этапе знакомства. Она знала по себе, что ничто так не разрушает барьеры и не укрепляет командный дух, как истории о провальных свиданиях вслепую. Анекдоты естественным образом наслаивались друг на друга, создавая собственные шаблоны и облегчая выявление общих слабостей.

– Иногда нам непонятно, насколько плохо проходит свидание, пока оно не закончится, – сказала Наоми, смахивая слезы от смеха, когда Крейг, парень, ранее выкрикивавший шуточки, рассказывал о перепалке, которая закончилась тем, что он окунул свою руку в горшочек с фондю.

– Это я к тому, что неужели обязательно делать сыр таким горячим?

Итану пришлось встать и предупредить всех, что, если семинары будут затягиваться надолго, ему придется выпроваживать их из зала. Его авторитетный тон, призванный утихомирить публику, вызвал у Наоми желание облизать губы.

– Спасибо, что пришли, – поблагодарила она, когда

немногочисленная публика начала собираться на выход. – Если вам было интересно поговорить о секретах неудачных свиданий, то есть все шансы, что вы оцените оставшийся семинедельный курс.

Она запоздало осознала, что ей следовало сначала уточнить у Итана, считает ли он этот вечер успешным, прежде чем обещать большее. Просто это оказалось так приятно. Энергия, надежда, рожденная из изнуряющей покорности, которую она заметила у многих слушателей.

– Дайте знать, если у вас возникнут вопросы.

Когда Итан спустился вниз с улыбкой на лице, что-то предательски замурчало в области ее диафрагмы.

– Ты была великолепна.

Наоми винила бурливший в венах адреналин за то, что он вызвал в ней чувство раскованности и легкое головокружение. Тело подталкивало ее совершить нечто глупое, безрассудное, чувственное.

– Спасибо, – поблагодарила она и отвернулась, чтобы побороть искушение. – Было весело. – Она выкинула свой помятый конспект в урну.

Наоми хотелось попросить его скрыть удивление и благородство, которые красовались на его лице. Неужели он не понимает, что только усложняет все своей чрезмерной искренностью?

– Подожди, – Итан взял ее за руку, вынуждая посмотреть на него и явно не осознавая опасности, – я серьезно. Эта лек-

ция... то, как ты заставила всех расслабиться и смеяться... Я на такое и не надеялся, когда думал о первом занятии.

Похвала в сочетании с двусмысленностью проникли ей под кожу, освещая все изнутри.

– Надо же, если тебе так понравилось мое выступление, то тебе явно стоит посмотреть один из моих фильмов. – Комментарий вырвался раньше, чем она успела себя остановить, прямо как мчащийся поезд, и, словно поезд, наблюдала, как он пронесся прямо сквозь его тело. Черт!

Он покачал головой, но не побледнел и не зарделся, как она того ждала. Напротив, спустя секунду ребе Итан Коэн рассмеялся. И это был не какой-то натянутый смех, полный неловкости и напряжения. Это был настоящий хохот, до колик в животе, словно, упомянув о своем неприглядном прошлом, она доставила ему почти такое же удовольствие, как и эта лекция.

Ее так и подмывало спросить, чего он пытается добиться, ведя себя так, будто не боится ее, но Наоми не представилось такого шанса, потому что один из оставшихся участников привлек ее внимание, задав вопрос.

Наоми сдвинула вместе пустые стулья.

Она хотела служить для этих людей хорошим примером. Что будет, если она впервые в жизни проявит немного сдержанности? Ну уж наверняка она продержится дольше, чем Джош и Клара.

Глава 6

По пути с работы Наоми заскочила в синагогу и застала Итана истекающим чернилами. Она застыла в дверях, пока он стоял за столом и гневно смотрел на виновника своей проблемы – шариковую ручку, которая, по всей видимости, лопнула прямо в кармане его оксфордской рубашки.

Она постучала по внутренней стороне дверной рамы, чтобы привлечь его внимание.

– Я не вовремя?

Он отбросил запачканную ручку в сторону, и та, тихо звякнув, скатилась по кипе документов.

Закрыв на мгновение глаза, Итан тряхнул головой и жестом пригласил ее войти.

– Нет, все в порядке. Просто у меня было несколько неожиданных встреч, и потом... – его глаза уныло опустились на импровизированный тест Роршаха¹¹, лежавший перед ним, – эта ситуация с ручкой.

– Выглядит плачевно. – Она поджала губы в попытке подавить смешок. Ее жизнь стала бы намного проще, если бы Итан Коэн перестал быть таким милым.

Безуспешно пытаясь оттереть чернила с помощью салфеток, он только сильнее размазывал пятно. Его рубашка бы-

¹¹ Психодиагностический тест для исследования личности, опубликованный в 1921 году швейцарским психиатром и психологом Германом Роршахом.

ла красивой, аккуратно выглаженной, белой и такой мягкой на вид, словно Итан был одним из тех редких мужчин, которые пользуются кондиционером для белья. Рубашка просто не заслуживала такого издевательства.

– Не шевелись. – Наоми подошла к нему и убрала его руку с места, где та замерла, – с груди. – Ты делаешь только хуже.

Уголок его рта приподнялся, обнажив полную верхнюю губу, которая обычно скрывалась под бородой.

С трудом отведя взгляд, Наоми схватила свою сумочку и принялась искать фляжку, которую этим утром подарил ей какой-то ушлый торгаш в попытке приобрести рекламное место на сайте «Бесстыжих». Откупорив фляжку, она аккуратно нанесла содержимое на салфетки, которые забрала из рук Итана.

Итан кивнул на фляжку, а его замершее тело продолжало подчиняться ее приказам.

– Это водка?

– Вода. – Наоми ни черта не смыслила в уходе за кожей, но навсегда уяснила, что, если пить много воды и регулярно ходить в туалет, лицо дольше останется эффективным инструментом для ведения переговоров и оказания влияния.

Наоми замерла на мгновение, и пропитанная водой ткань начала капать ей на ладонь, пока она обдумывала следующий шаг. Ей был известен способ выведения пятен, который минимизировал бы неловкость для них обоих, но существовал и другой путь.

– Ты не против, если я... – Наоми коснулась другой рукой подола рубашки и отделила ткань от футболки, которую он носил под ней. Она даже не позволила себе насладиться тем, что ее пальцы находились в считанных сантиметрах от пуговицы его брюк.

– Будет лучше, если я приложу салфетку с обеих сторон.

Итан сглотнул так тяжело, что вся его челюсть напряглась.

– О, ладно.

Наоми проигнорировала вспышку жара в своем теле, когда тон его голоса упал на октаву ниже.

Она приложила все силы, чтобы не встречаться с ним взглядом. Сведение к минимуму своего очарования, что, по ее мнению, являлось скромным способом выражения сексуальной привлекательности, противоречило всем ее инстинктам, но у нее не было выбора.

Флирт с Итаном и без того доставлял кучу проблем, но сейчас она словно играла с огнем, стоя к нему настолько близко, что могла видеть тонкий белый шрам прямо над его бровью.

Это было... плохо. Наоми выработала привычку проверять, насколько далеко она способна зайти. Близость к Итану была лишь очередной проверкой на прочность, и она не понимала, чего ей хотелось больше: одержать победу или потерпеть поражение, – но одно ей было известно точно – она не знала, как перестать играть, будь то даже в интересах их обоих.

Разжигание и удовлетворение желаний были ее сферой, отличительным знаком. Ей было комфортно, когда другие испытывали шок и не могли связать и двух слов. Но настоящая опасность возникала, только когда она удивляла саму себя.

Наоми прикладывала все усилия, чтобы костяшки ее пальцев не задели его живота, когда она проводила рукой по пятну слева от груди, но рубашка была такой облегающей, что ее ладонь находилась лишь в паре миллиметров от его кожи. Она готова была поспорить на большие деньги, что он задержал дыхание.

– Может, лучше расстегнуть рубашку? – предложила она, едва дыша.

– Да, конечно. – Его пальцы быстро управились с пуговицами. У Наоми буквально потекли слюнки при виде того, как напряглись мышцы его рук и ткань распахнулась. – Так пойдет?

– Да, – соврала она.

Даже не прикасаясь к нему, Наоми чувствовала тепло тела Итана сквозь тонкий слой хлопка, разделявший их. Приложив влажные салфетки обратно к пятну, она попыталась ускориться.

Когда она шевельнулась и, слегка согнувшись в коленях, наклонила голову ниже, чтобы лучше рассмотреть пятно, Итан поморщился.

Хм, ничего из ее действий не должно было причинить

боль.

– Что? Ручка так сильно воткнулась в тебя?

– Нет. Прости. – Итан смутился. – Просто вода холодная.

Наоми невольно ругнулась себе под нос. Все то время, что она пыталась вывести пятно, вода с салфетки капала прямо ему на живот. Представлять траекторию стекающих капель было до жути возбуждающе.

Она сделала шаг назад. Затем еще один. Но этого было недостаточно.

– Пожалуй, случай безнадежный, – заключила Наоми.

– Все нормально. – Итан хмуро посмотрел на слегка померкшее, но все еще видимое пятно. – Может, я смогу спрятать его под своим талитом.

– А, да. До меня доходили слухи, что молитвенную шаль носят не только в знак солидарности с общиной и преданности Богу, но и как элемент стиля. – Она вернулась в комфортную зону сарказма, словно в теплую ванну.

На этот раз улыбка Итана была снисходительной.

– Так чем я могу помочь? Ты пришла сюда явно не для того, чтобы помочь мне с одеждой.

Да, точно.

– Вообще-то, я пришла поговорить о курсе, но если время не совсем подходящее, – она многозначительно посмотрела на его рубашку, – то могу вернуться позже.

– Нет, – отмахнулся Итан, – садись, пожалуйста.

– Хорошо. – Наоми устроилась на стуле напротив. Ее было

несложно убедить.

Он выжидающе на нее посмотрел, сложив перед собой руки.

Ей пришлось с усилием заставить себя собрать воедино слова, которые она не хотела произносить.

– Не уверена, что смогу продолжать вести семинары.

– Вот как? – Опустив взгляд, Итан взял сломанную ручку и принялся возиться с колпачком. – Понятно. Назрели другие планы?

– Не совсем. – Скорее, время, которое она провела с ним, заставило ее желать того, чего ей желать не стоило.

И дело было не только в сексе. Хотя – она окинула взглядом жесткий изгиб его челюсти – без секса тут никуда. Семинар, проведенный в начале недели, наполнил ее ложным чувством единства, и она поняла, что не может позволить себе привыкнуть к нему. В этом курсе было уж слишком много переменных, которые Наоми не могла контролировать. Если она продолжит ходить в ЕОЦ неделю за неделей, то рано или поздно забудет, что в иудаизме, а точнее, в этой синагоге, для нее нет места.

– Просто сейчас я слишком загружена делами своей компании, – произнесла она натянуто. – Уверена, тебе не составит труда найти мне замену...

Стук в дверь застал их врасплох.

Пожилой мужчина с седой бородой кивнул Наоми и затем повернулся к Итану:

– Простите, что прерываю, ребе Коэн, но можно вас на пару слов?

Итан отбросил хмурое выражение, которое было на его лице секундой ранее, и кивнул.

– Конечно. Дай мне минутку.

Мужчина кивнул в знак признательности и вернулся в коридор, чтобы подождать там.

Итан стоял, гневно глядя на чернильное пятно на своей рубашке.

– Прости. Это Джонатан Вайс, глава исполнительного совета синагоги, – сказал он шепотом. – Он урезает мне зарплату, поэтому с моей стороны было бы неразумно заставлять его ждать. Ты не против посидеть здесь пару минут? Я быстро разберусь.

И хоть немедленный побег принес бы ей облегчение, Наоми была сделана не из такого мягкого теста, как могло показаться на первый взгляд.

– Не волнуйся. Иди. Я умею себя занять.

– Я быстро, – повторил он, в спешке забыв закрыть за собой дверь.

Наоми достала телефон и принялась листать сообщения и проверять почту. Если она закажет китайскую еду по дороге домой, то, вероятно, поспеет за курьером и застанет его прямо у своей двери. Конечно, при условии, что пробки на шоссе будут не хуже обычного.

– Послушай, Итан. Я знаю, ты славный малый.

Ого, голос Джонатана звучал гораздо снисходительнее, чем минуту назад в кабинете Итана. Разве ему не полагалось проявлять уважение?

– Малый? Брось, Джонатан. Даже Мори не называет меня так, а он, между прочим, старше меня не на один десяток лет.

Ладно, подслушивать, конечно, невежливо, но Наоми уже не могла остановиться. Оперев стул на задние ножки, она вся обратилась в слух.

– Совет нанял тебя в надежде, что ты сможешь привлечь прихожан новыми методами, но мы рекомендовали тебе действовать осторожно, – говорил Джонатан, и слова его звучали отрывисто. – Мы обеспокоены потенциальным нарушением правил приличия в связи с недавними программными решениями.

– Уверяю тебя, все аспекты программы – новые и не только – остаются такими же уместными и корректными, – ответил Итан, и в его голосе прозвучало предостережение.

– Надеюсь на это. Совет не может подвергать себя риску. У Бет Элохим и без того много проблем с имиджем. Жалобы от общины – последнее, что нам нужно. На всякий случай я буду держать ухо востро. Уверен, ты согласишься, что нет дыма без огня.

Наоми вцепилась руками в подлокотники стула.

– Джонатан, – голос Итана выражал безмерное терпение, – ты же понимаешь, что наши интересы совпадают. Мы оба хотим сохранить синагогу. И, чтобы сделать это, необходимо

дать что-то взамен. Курс об интимной жизни поможет привлечь более молодую аудиторию, я уверен в этом. И тут ты должен поверить мне на слово.

– Я знаю, Итан, и стараюсь верить, но неужели ты считаешь уместным развлекаться за закрытыми дверями? – Джонатан понизил голос, но слышимость осталась безупречной.

У нее внутри все сжалось.

Когда Итан заговорил снова, его голос выражал такую твердость, на какую, она и не догадывалась, что он способен.

– Джонатан! Еще немного – и ты оскорбишь одного из самых квалифицированных волонтеров, не говоря уже о том, что подрываешь мой авторитет.

Наоми не раз доводилось быть центром шумихи, но от того факта, что кто-то защищал ее доброе имя, у нее внутри встрепенулось нечто незнакомое.

– Мы промолчали, когда ты нанял Наоми Грант, потому что ты рассказал нам о ней только после первого семинара. Но теперь ты проводишь с ней время наедине. Это все несколько... неподобающе. Ты должен понимать, что вгоняешь людей в краску одними только фактами ее биографии.

– А разве не вы поставили передо мной задачу создать инклюзивную общину? Разве Тора не учит нас приветствовать каждого, кто пожелает посетить нашу синагогу?

Ладно, возможно, не такая уж она и особенная. Итан заступился бы за любого, кого оклеветали бы в его присутствии, но все же быть частью правила, а не исключением из

него, было как никогда приятно.

В голос Джонатана закрались нотки мольбы.

– Уверен, она – прекрасный человек, но впечатление производит не самое благоприятное, Итан. Уж тебе-то должно быть виднее.

– Я предоставил тебе достаточно возможностей сменить тон. – Сталь вновь звучала в словах Итана. – Ты проигнорировал их все, так что давай-ка я проясню. Наоми Грант вносит ценный вклад в жизнь нашей общины, и все голословные обвинения в ее адрес происходят из твоих собственных предрассудков и неуверенности. Я остаюсь при своем решении о ее найме, и если еще кто-то в совете не согласен с этим, то я с радостью повторю.

Судя по шагам, Итан направился обратно к кабинету, и Наоми тотчас выпрямилась на стуле.

– Не забывай, ребе Коэн, – прокричал вслед Джонатан, – ты подчиняешься воле совета.

– Доброй ночи, Джонатан.

Стоило Итану подойти к своему кабинету, как Наоми повернулась и встретилась с его уставшим взглядом.

– Да он просто душака, – заметила она, старательно пытаюсь сохранить лицо спокойным. В чем-чем, а в утешении она не нуждалась.

Он прислонился к стене.

– Только не говори, что все слышала.

Она приложила палец к губам.

– Врать разрешается?

– Ах! Наоми, мне так жаль! Совет... Если честно, они консерваторы. И они напуганы. Перемены им чужды.

– И все же перемены – единственное, что может их спасти, – сухо заключила Наоми. – Вот так досада!

– Я пойму, если ты больше не захочешь сотрудничать, особенно после этого, – Итан жестом указал на дверь.

Вот оно – легкое решение. Но никакая надуманная клевета никогда не сравнится с ее самолюбием. Итан совсем ее не знает, если подумал, что парочка нашептанных угроз заставит ее отступить.

– Меня не так-то легко напугать.

Итан ущипнул себя за переносицу.

– Джонатану не следовало говорить такие вещи.

– Меня не волнуют слова Джонатана.

Итан опустил руку.

– Ясно.

– Меня волнуют твои слова. – К своему удивлению, Наоми ощутила, что у нее пересохло во рту.

– Ты и это слышала?

– Ну, звуковые волны так и работают, – подтвердила она, повеселев. – Я-то думала, ты изучал физику.

– Я и сейчас изучаю. – Он встряхнул головой. – В смысле, да, изучал. И продолжаю строить новые теории, но уже в качестве хобби.

Волосы Итана растрепались, а рубашка выглядела ужасно.

Каждая черта выражала беспокойство. Да что с ней не так? Почему, когда у него такой измученный вид, она хочет его только больше?

– Для человека, чья работа требует много публичных выступлений, у тебя слишком часто заплетается язык.

– Это недавно обретенная способность, – сказал он, горестно сжав челюсти. – Поверь мне.

Что ж, лестно.

– Слушай, люди осуждают меня уже больше десяти лет. Знаешь, что лучше всего делать в такой ситуации?

Он беспомощно пожал плечами.

– Игнорировать их?

– Заставить каждого человека, который когда-либо отказал тебе, заинтересоваться тобой. – Наоми оперлась руками о стол и подалась вперед. – Мы привлечем так много прихожан, что совет будет умолять меня остаться.

Итан вздернул брови.

– А тебя не беспокоит, что у нас... скажем так, весьма скромная явка?

– Не-а. – Наоми взяла свою сумку и достала записную книжку.

– Но я думал... Ты же только пару минут назад сказала, что слишком загружена на работе.

– Об этом не волнуйся. – Наоми зубами сняла колпачок с ручки. – Благодаря твоему дружку Джонатану я вновь полна мотивации. – Ее желание заставить людей подавиться свои-

ми же словами всегда перевешивало все страхи.

– О. – Вид у Итана был слегка ошеломленный. – И что же мы будем делать?

Наоми забросила ногу на ногу. У нее возникла идея. И она была либо великой, либо ужасной.

– Я собираюсь привлечь пиар-консультанта.

Итан принялся рыться в запятнанных чернилами бумагах и издал триумфальное «ага», когда наконец раскопал бумаги с отчетами. Он нахмурился, глядя на цифры.

– Сомневаюсь, что наш бюджет это покроет.

– Не беспокойся об этом, – отмахнулась Наоми. – У меня есть на примете человек, который сделает все бесплатно. Она у меня в долгу.

– Значит, мы собираемся...

– Доказать всем, что они ошибаются? – Наоми улыбнулась. – Да. Именно это мы и собираемся сделать.

Глава 7

– Хорошо, – Наоми сжала руками руль своего «приуса», – я разрешаю тебе оказать мне эту услугу, но при условии, что ты приложишь все усилия, чтобы не опозорить меня.

– Здесь направо. – Клара поднесла телефон к ветровому окну, как будто это помогало работе навигатора.

Они договорились встретиться с Итаном в одной из центральных кофеен, и как пассажир Клара отвечала за маршруты.

– Кстати... – Клара опустила телефон и, включив кондиционер, обдала Наоми морозной струей воздуха прямо в лицо, отчего у той заслезились глаза, – с каких это пор услуги подкрепляются условиями?

– Да с тех самых, когда это коснулось меня, Коннектикут. – Наоми назвала Клару своим любимым и самым кротким прозвищем, которое дала подруге в честь ее родного штата. Девушка может уехать из Гринвича, но никогда не сможет избавиться от привычки сидеть, закинув ногу на ногу, и называть Манхэттен городом. Даже спустя три года жизни в Лос-Анджелесе.

– Всю свою сознательную жизнь я только и пытаюсь, что не позориться, – возмутилась Клара. – Уж, думаю, справлюсь и не выкину ничего за сорок минут беседы.

Наоми поморщилась, вспомнив элитарную семью Клары,

члены которой славились такими скандалами, что могли бы посоперничать с семьей Кеннеди, несмотря на менее скромные политические амбиции.

– Он – не типичный раввин. – Безусловно, Итан обладал всеми качествами, положенными раввину: он был добрый, умный, а еще хороший и внимательный слушатель. А еще он сексу... – Так что будь добра проследить за собой и не сбежать, как ты любишь делать каждый раз, стоит тебе столкнуться с горячим мачо.

Клара вздернула нос.

– Я стала более сдержанной за последние три года и как раз собираюсь замуж за одного из таких мачо, знаешь ли.

– Да уж, благодаря регулярному приему витамина D, – Наоми метнула в Клару многозначительный взгляд, – ты вырабатала иммунитет.

Клара застонала, прикрыв глаза рукой.

– Иногда ты меня просто бесишь.

Наоми поправила солнцезащитные очки. Колкости в адрес подруги значительно улучшили ее настроение.

– Но если серьезно, Итан притягателен немного в другом плане, нежели Джош.

Клара заерзала на месте, пытаясь поправить ремень безопасности, чтобы тот перестал впиваться ей в шею из-за маленького роста.

– Ладно. Тогда опиши его.

– Он обезоруживает. – Наоми до сих пор так и не сумела

подобрать оружие против него.

– В каком смысле? – Слегка опустив очки, Клара посмотрела на Наоми, глядя поверх них.

– Он сексуален, даже когда не должен таким быть.

Сексуальный – слово, которым разбрасываются направо и налево, и, как любое слово, которое используется слишком часто, оно потеряло свой смысл. В связи с характером работы Наоми часто слышала, как этим словом описывали что-то спланированное и продуманное, созданное с одним-единственным умыслом – соблазнить.

Итан был другим.

Он был подобен течению. Мощный и стремительный, не имеющий ничего общего с желанием обладать ею, но все равно Итан притягивал ее.

– О, – рваными движениями Клара поправила высоту своего сиденья, – и всего-то?

Наоми стоило настоять на своем и выехать из офиса на разных машинах.

Она ущипнула Клару за бедро.

– Ай! – Клара потянулась, чтобы ущипнуть ее в отместку.

– Я за рулем! – вскрикнула Наоми, и подруга, надувшись, отступила.

– Ты всех считаешь сексуальными, – заявила брюнетка.

– Не всех, – запротестовала Наоми. Нынешний почтальон по ее меркам не был сексуальным. Другое дело – его предшественник...

– И то верно, – согласилась Клара, поразмыслив, и принялась вытирать очки краем юбки. – За последнее время этот круг сузился до типичных мужланов.

Тут не поспоришь. Мужланов было легче держать на расстоянии.

– В том-то и дело. – Наоми ударила ладонью по рулю и случайно нажала на сигнал. Она извиняющимся жестом махнула водителю напротив, но в ответ получила средний палец. – Вот сам и иди на хрен! – прокричала Наоми, слегка опустив стекло, прежде чем повернуться обратно к Кларе. – Дело в том, что он не мужлан. Он милый, можно сказать, агрессивно милый и немного забавный, но не нарочно, и... это сбивает с толку.

Очевидно, Клара не понимала, почему Итан был так опасен. Как ей объяснить, что он обладал практически смертоносным уровнем силы убеждения? Что в пропорциях его плеч и талии было нечто необычное. Несмотря на средний рост – или даже ниже среднего – он был таким крепко сбитым. Собственно, каким более емким словом можно описать подобное тело? Могучий?

– Подожди-ка. – Клара выпрямилась еще сильнее, что казалось попросту невозможным, учитывая, как давно она окончила школу.

Наоми остановилась на светофоре.

– Что?

– Тебе действительно нравится этот парень, – голос Клары

окрасила раздражающая мелодичность.

– Только на профессиональном уровне. – Учитывая свое резюме, Наоми имела право пользоваться такой трактовкой, чтобы дать понять, что она просто хочет трахнуть его.

– Нет, – Клара прикусила нижнюю губу, – на том уровне... когда тебе хочется держаться с ним за руки, устраивать пикники в парке и гадать на совместимость.

– Ничего противнее ты мне еще не говорила.

– Я и подумать не могла, что доживу до этого дня. – Клара улыбнулась. – Да ты влюблена по уши!

Одно дело, когда Наоми признается в чувствах самой себе, но совершенно другое – когда Клара распознает их и дает им определение.

– Ну все! Убирайся из моей машины. – Наоми Грант не влюблялась. Она влюбляла в себя других людей. Нет, стоп, не так! Ах!

– Но мы несемся по автостраде, – возразила Клара с завидной невозмутимостью.

– Я сбавлю скорость. – Наоми нажала на кнопку, и двери щелкнули. Она – ничто без своего умения запугивать.

– Держу пари, ты скучаешь по временам, когда я действительно тебя боялась. – Клара захлопала в ладоши. – Ах-х-х! Это так волнительно! Не могу поверить, что вот-вот встречу с объектом твоих мечтаний.

– Ни разу не волнительно, и я в него не влюблена. Это просто деловое сотрудничество, и если ты еще раз намекнешь

на обратное, то я опробую свои навыки крав-мага на твоей заднице.

Клара наигранно прижала руку к сердцу:

– Я польщена, что ты выбрала меня, чтобы поделиться этим опытом.

– Клара, я серьезно. Если ты хоть на секунду задумаешься об этом в кофейне, то, клянусь, я приду на твою свадьбу в чем мать родила. – Наоми заскрежетала зубами.

– Так и быть. «Объект мечтаний» – действительно звучит немного незрело. Будем звать его «свет очей», «желанный приз», или как насчет...

Наоми вытянула руку вперед и нажала на кнопку «стерео».

Увы, она забыла, что до этого слушала аудиокнигу.

– «Реорганизация реформистского иудаизма. Глава шесть», – безмятежный голос чтеца заполнил машину.

Проклятье! С секунду обе женщины сидели неподвижно, но как только способность соображать вернулась, Наоми подалась вперед, чтобы выключить стерео.

К сожалению, у Клары, в отличие от Наоми, были свободны обе руки. Несмотря на маленький рост, ее подруга обладала на удивление сильной хваткой.

– Прекрати драться. Руки на руль, юная леди! – Клара слегка запыхалась из-за их краткой борьбы за кнопку.

Аудиокнига продолжала проигрываться, рассказчик невозмутимо читал лекцию о Пуриме.

В течение нескольких неловких минут они просто сидели и слушали.

– Значит, – пропела Клара, – теперь тебя привлекает религия?

– Нет, – опешила Наоми. – Просто в последнее время я все чаще о ней задумываюсь. Все это время, проведенное в синагоге, разработка лекций... А я мало что помню из еврейской школы, и это раздражает.

Время, проведенное с Итаном, пробудило воспоминания о том, как она пела песню единения в летнем лагере, как зажигала свечи на своей бат-мицве, и напомнило сладкий, бодрящий вкус яблок в меду. Она хотела все вспомнить, чтобы потом забыть окончательно.

Она не могла похвастаться знанием обычаев и традиций, но эти яркие, драгоценные моменты постоянно мелькали у нее в голове. Наоми выросла в преимущественно католическом районе Бостона, где причисление к иудаистам делало ее изгоем. Она никогда не забудет первый день в шестом классе, когда, стоя у своего шкафчика, она услышала, как Картер Вентворт пробормотал себе под нос: «Чертов жид!». Она залилась краской, решив, что он обозвал ее, но когда подняла взгляд, то поняла, что фраза была адресована неудобному рюкзаку. Он использовал это слово, чтобы выместить зло на предмет негодования. Она уставилась на него, застыв на месте от шока.

– Что? Ты еврейка, что ли? – спросил он, когда поймал ее

взгляд. Она никогда не сможет забыть, как покачала головой и унесла оттуда ноги в надежде, что никто не узнает. Лишь от одного этого воспоминания ей становилось дурно.

Фамилия Штурм считалась еврейской, но не такой распространенной, как другие. Было несложно скрывать религию своей семьи, но, даже будучи ребенком, Наоми стыдилась своей трусости. Каждый раз, когда она пропускала школу, ей приходилось придумывать отговорки, потому что выходные в честь праздников соответствовали христианскому календарю. Стоило учителю истории затронуть тему холокоста и Эли Визеля, как она чуть не пряталась под стол. Груз вины отдавал болью в животе.

Так что да, раньше она стыдилась своей религии, но не так, чтобы очень. Ужасная правда заключалась в том, что жить, не будучи открытой еврейкой, было легче. Было легче вписаться в компанию девочек из футбольной команды, которые играли в «Тайного Санту». Как, в принципе, и сейчас было бы легче не влюбляться в раввина.

– Обычно во время поездок я слушаю подкасты, – сказала Наоми, понимая, что молчание слишком затянулось. – Это мало чем отличается. Просто очередной предмет, который пытаюсь изучить. У меня много вопросов.

– Знаешь, – начала Клара, – если у тебя есть вопросы об иудаизме, то, думаю, есть человек, которому ты можешь их задать.

– Нет! – отчеканила Наоми.

– Уверена, ребе Коэн будет рад...

– Я не хочу, чтобы Итан знал об этом. Это, – она указала на стереосистему, – ничего не значит. У него может сложиться ложное впечатление. Еще подумает, что я делаю это, только чтобы впечатлить его или как-то влиться в общину.

– Ну, знаешь ли, это ведь не преступление, – произнесла Клара мягко.

– Я не пытаюсь никого впечатлить и определенно не рвусь стать членом группы, в которой меня не жалуют.

Ее жизнь, ее индивидуальность строились на этом принципе. И она не могла пренебречь им сейчас.

Клара выключила аудиокнигу.

– Это нормально – желать быть частью чего-то. В этом мире много разных мест и различных людей, которые заставляют тебя стремиться к этому.

– Ты не понимаешь.

Где бы Наоми ни оказалась, ей всегда приходилось что-то доказывать. Каждое учебное заведение, в котором ей хотелось работать, требовало, чтобы она плясала под их дудку. Каждый репортер, который брал у нее интервью, хотел, чтобы Наоми отвечала его стереотипам.

Клара потянулась и сжала руку Наоми.

– Да, но я хочу понять.

– Моя мама из квакеров¹², – сказала Наоми, с трудом веря,

¹² Члены христианской религиозной секты (в Англии, США), отвергающей церковные обряды.

что ввязывается во все это.

– О.

– Не знаю, как много ты знаешь об иудаизме...

– Немного, если честно, – отозвалась Клара.

– По законам реформистского иудаизма ребенок межрелигиозной пары считается евреем, если один из родителей – еврей. Поскольку мой отец – еврей, то и растили меня согласно еврейским традициям, так что реформистский иудаизм позволяет называть меня еврейкой.

– Конечно, позволяет.

– Вот именно. Я получила еврейское образование, у меня были бат-мицва и все, что к этому прилагается. Конечно, не было такого, чтобы я появилась в синагоге и кто-то спросил меня: «О, а твоя мать – еврейка?». Тем не менее я всегда чувствовала себя изгоем.

Клара понимающе кивнула.

– А сейчас ты чувствуешь себя изгоем уже в другом отношении.

– Да. – Этот ответ тянул на «приуменьшение года». – Я выросла, стесненная уставом своей веры, понимая, что в глазах многих евреев не являюсь частью их общины. А если учесть, что эта самая община постоянно отрицает понятие бисексуальности...

Сколько раз ей говорили: «Определись уже!» или «Перестань находить отговорки, ты – просто шлюха!..» Последняя фраза обладала особым очарованием благодаря заключенно-

му в ней сексизму.

– Плюс работа в секс-индустрии. – Люди просто обожали эту тему. – Прибавь к этому мой внешний вид – и вуаля! Вся моя личность либо недопустима, либо нежелательна. Это... просто выматывает.

Она устала постоянно бороться за свою честь, за право быть собой. Все эти бесконечные отказы и упреки ей уже просто осточертели.

– Я устала.

Клара напоследок сжала ее пальцы и сразу убрала руку, словно понимала, что Наоми не нуждается ни в чьих советах и не станет терпеть чрезмерные проявления нежности или жалости.

– Я и без Итана смогу исследовать свою связь с иудаизмом. Он не единственный источник религиозных знаний. – Напротив, создавалось ощущение, что его интерпретация религии выходит за пределы традиции. – Слышала бы ты, как он говорит о Боге и вере, Клара. Это другое. Или другое для меня. В его голосе такое почтение. Для него это не только призыв следовать нормам и соблюдать обряды. Он словно открывает секреты Вселенной или что-то в этом духе. Он живет и дышит иудаизмом. И если он вдруг узнает о моей матери, то, мне кажется, я не изменюсь в его глазах, но...

– Никогда не знаешь наверняка, – закончила Клара. – Я понимаю тебя. Кофейня прямо и налево. И, эй, обещаю не упоминать твою влюбленность и религиозные исследования.

Но... думаю, ты сама должна сказать ему об этом при удобном случае.

Наоми вздохнула. Ей уже вечность никто не давал советов, и вот теперь она получала уроки храбрости от богатенькой девчонки. Либо Наоми и впрямь размякла, либо Клара выработала стойкий характер и устойчивость к пустым угрозам. И то и другое наводило ужас.

Наоми заехала на парковку, но не торопилась открывать двери.

– Просто придержишься темы пиара. Прошу тебя.

Клара подалась вперед и поцеловала ее в щеку, после чего вышла из машины.

– По рукам. Мой рот на замке. Разговоры строго по делу. Только о бизнесе.

– Хватит говорить дежурными фразочками, – потребовала Наоми, закрывая дверь.

Застаревшая боль шевельнулась внутри, гневно отзываясь на дискомфорт. Шансы того, что эта встреча не закончится катастрофой, были близки к нулю.

Глава 8

Наоми потребовалось менее сорока восьми часов, чтобы реализовать план по захвату исполнительного совета.

– Извини за задержку, – сказала она, позвонив, чтобы договориться о встрече Итана и ее подруги Клары в кофейне на Силвер-Лейк. Ну уж если это считается медленным, то страшно представить, что в ее понимании «быстро».

Когда он пришел, две женщины – полные противоположности друг друга – уже сидели за столиком в углу. На Наоми был строгий костюм и помада, превратившая ее губы в подобие стоп-сигнала. Клара же, напротив, была в милом белом платье, и на ее лице играла такая же милая улыбка.

– Итан, познакомься, это Клара – один из моих партнеров. Раньше она занималась пиаром, а сейчас руководит рекламой «Бесстыжих», – сказала Наоми шутливым тоном. Затем, переведя взгляд на Клару, продолжила: – Она проявит исключительный профессионализм и не будет отклоняться от предмета своей узкой специализации.

– Приятно познакомиться, – Итан протянул руку Кларе, сделав вид, что не замечает напряжения между подругами. – Я очень ценю твою помощь.

– Не стоит благодарности. – Клара слегка ущипнула Наоми. – Уж мне-то как приятно увидеть мужчину, о котором Наоми болтает без умолку.

На лице Итана застыла улыбка, пока Наоми громко не откашлялась.

– Я схожу за напитками, – объявила она. – Итан, чего желаешь?

– Зеленый чай, пожалуйста.

Наоми кивнула и удалилась, не узнав заказ подруги. Либо она уже знала, либо Клара останется без напитка.

– Что ж, – начала Клара, открывая записную книжку, – не мог бы ты рассказать о трудностях, которые испытывает твоя синагога?

– Конечно. – Итан занял свое место. – Ну, когда я стал раввином чуть более года назад, община уже уменьшалась с динамикой по двадцать процентов прихожан каждый год. С тех пор как я появился в Бет Элохим, процесс замедлился, но мне не под силу кардинально изменить положение вещей, используя традиционные методы и рекламируя наш курс по введению в иудаизм в местных объявлениях.

– Понятно. – Клара набросала пару заметок. – Дай угадаю: они ждут от тебя быстрого результата?

– Мягко сказано. – Синагоге не хватало финансирования. – Совет твердо заявил, что если я не продемонстрирую значительный прирост в следующие полгода, то они начнут искать зданию потенциальных покупателей. – Итан не стал упоминать, что последняя перепалка с Джонатаном, скорее всего, приблизила эту дату.

Клара кивнула.

– И ты решил, что лучше ориентироваться на нерелигиозную часть населения, чем пытаться привлечь людей?

– Именно. Во-первых, мне кажется неправильным переманивать прихожан других городских синагог; во-вторых, так я проиграю. Мы и близко не обладаем ресурсами, которые есть у Эндмор Бульвар.

В детстве Итан посещал эту синагогу. Внутренняя отделка их храма была просто невероятна, а прихожане исчислялись в тысячах. Если он будет вкалывать, то, возможно, ему улыбнется удача и он достигнет подобных результатов лет через двадцать.

– Привлечение нерелигиозных евреев – задача не из легких, но я уверен, что это наш единственный шанс, – продолжил Итан. – Синагогам по всей стране с трудом удается привлечь внимание молодых людей, но нашей синагоге приходится особенно сложно, потому что нынешний состав привлекает противоположную аудиторию. Я решил, что нам надо изменить подход, чтобы заинтересовать людей до шестидесяти, поэтому занялся поиском современных специалистов и встретил Наоми.

– Суровые времена требуют решительных мер. – Наоми поставила на стол три напитка: чай для Итана и два холодных кофе – и пододвинула к Кларе стакан с многозначительным и угрожающим взглядом.

– Что ж, – Клара слегка подалась вперед и сделала глоток, – надо сказать, вы – отличная команда. Итан, ты же рань-

ше что-то преподавал? Химию, кажется?

– Физику, – поправил он, в то время как Наоми, сидя спиной к стене со скрещенными на груди руками, не реагировала на явные подколы подруги и сканировала кофейню взглядом, словно была самим Тони Сопрано.

– А, да, точно. – Клара, мурча под нос, нависла над своим стаканом. – В общем, я уверена, что нам надо поработать с прессой. – Если не возражаешь, я скажу прямо, – она повернулась к Итану. – Ты – очень интересный экземпляр для прессы.

Наоми поперхнулась своим напитком, а Итан, пытаясь скрыть смущение, спрятался за своим стаканом.

– Знаете, – размышляла Клара, постукивая ручкой по столу, – думаю, именно с этого я и начну. Презентую ваши биографии и интервью. Главный лос-анджелесский журнал как раз готовит список самых сексуальных холостяков. У тебя ведь никого нет?

– Клара! – резко вмешалась Наоми.

– Что? – дернув плечом, Клара изобразила самую невинность. – Я просто уточняю, чтобы понимать, как вести повествование.

Наоми так стиснула свой стакан, что у нее побелели костяшки.

– Сосредоточься на синагоге и семинарах.

Большую часть жизни Итан провел в окружении властных женщин, но Наоми с Кларой казались ему самой пугающей

парочкой, которую он только встречал. Во многом это объяснялось тем, что девушки словно вели приватную беседу прямо у него на глазах. Как будто он смотрел теннисный матч с высокими ставками, только в качестве ракеток использовались едва уловимые движения бровей и губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.